

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(8 декабря 2014г.)**

**г. Воронеж
2014г.**

УДК 009(06)
ББК6/8я43

Перспективы развития современных гуманитарных наук/Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Воронеж, 2014. 61 с.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук Дмитриева Елизавета Игоревна (г.Москва), доктор искусствоведения, доцент Хватова Светлана Ивановна (г.Майкоп), кандидат филологических наук Чечелева Вера Николаевна (г.Москва)

В сборнике научных трудов по итогам международной научно-практической конференции «Перспективы развития современных гуманитарных наук» (г.Воронеж) представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области филологии, искусствоведения и культурологии, общественных деятелей и лиц, проявляющих интерес к рассматриваемым вопросам, Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

© ИЦРОН, 2014 г.
© Коллектив авторов

Оглавление

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)	6
СЕКЦИЯ №1. ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)	6
СЕКЦИЯ №2. МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)	6
«В ЖИЗНИ РАЗ БЫВАЕТ ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ...» (ПЕСНИ ПЕНЗЕНСКИХ КОМПОЗИТОРОВ НА СТИХИ ВЛАДИМИРА ЗАСТРОЖНОГО) Лысова Е.К.	6
ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕМБРА В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МУЗЫКАЛЬНОГО СМЫСЛА Лесков А.И.	7
СЕКЦИЯ №3. КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)	10
СЕКЦИЯ №4. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО - ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)	10
БУЛЬВАР КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ БЛАГОУСТРОЙСТВА ГОРОДА Дмитриева К.В.	10
ГРАФИКА А.С. ПУШКИНА КАК АВТОИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ Васильева Е.И., Варламова Н.В.	12
СЕКЦИЯ №5. ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)	15
СЕКЦИЯ №6. ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)	15
СЕКЦИЯ №7. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)	15
КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)	15
СЕКЦИЯ №8. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)	15
ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В НЕМЕЦКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЭСТЕТИКЕ XIX ВЕКА Калантарян Л.А., Налбандьян М.А.	15
СЕКЦИЯ №9. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)	18
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)	19
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)	19
СЕКЦИЯ №10. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)	19
ОБРАЗ АВТОРА В АВТОБИОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА В. НАБОКОВА «ДРУГИЕ БЕРЕГА») Бибина И.В.	19
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПЬЕСЕ Н. САДУР «ЗАМЕРЗЛИ» Сорока С.А.	21

СЕКЦИЯ №11.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)	23
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОИСКИ ШАРИФА КАМАЛА	
Куракова Ч.М.	23
СЕКЦИЯ №12.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)	25
ПРОБЛЕМА ЖАНРА В РОМАНЕ С. ДЕ СЕГЮР «ПРОДЕЛКИ СОФИ» (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)	
Варламова Е.А.	25
СЕКЦИЯ №13.	
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)	27
СЕКЦИЯ №14.	
ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09).....	27
СЕКЦИЯ №15.	
ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10).....	27
ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00).....	27
СЕКЦИЯ №16.	
РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01).....	27
ОДНА ИЗ ХАРАКТЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА	
А. ПЛАТОНОВА	
Смирнова В.Г.	27
ОЦЕНОЧНАЯ НОМИНАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ НРАВСТВЕННОГО МИРА РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ЯКУТИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ)	
Горбунова Я.Я.	29
ОЦЕНОЧНЫЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ ТЕКСТА ДРУЖЕСКОГО ПИСЬМА (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КОНЦА XIX - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА)	
Белунова Н.И.	31
СЕКЦИЯ №17.	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02).....	35
СЕКЦИЯ №18.	
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03).....	35
СЕКЦИЯ №19.	
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04).....	36
АНГЛОЯЗЫЧНОЕ «ЗВЕЗДНОЕ» ИНТЕРВЬЮ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	
Михеева И.В., Крикун М.В.	36
ГЕНДЕРНЫЕ ДИСКРИМИНАЦИИ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ НА ОСНОВЕ «АНГЛО-РУССКОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ» ПОД РЕДАКЦИЕЙ А.В. КУНИНА	
Болат-оол Р.В., Монгуш Т.К.	38
К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ РЕФОРМЫ НЕМЕЦКОЙ ОРФОГРАФИИ (1996-2007 ГГ.)	
Хакимова Г.А.	40
ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ	
Дьяченко И.А.	42
ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК СРЕДСТВУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ	
Комарова Л.Н.	45
СИНТАКСИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ЯЗЫКЕ АНГЛИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
Белоусова А.Р.	47

СЕКЦИЯ №20.	
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)	48
СЕКЦИЯ №21.	
КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)	49
СЕКЦИЯ №22.	
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)	49
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА: РУССКИЕ ЛЕКСЕМЫ ВОЛЯ И УДАЛЬ Каирсапова Э.М., Семёнова Н.В.	49
ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВО ЯЗЫКА Зубцова М.Л.	52
ЯЗЫКОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КОММУНИКАТИВНЫХ ТАКТИК И СТРАТЕГИЙ В КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ ОБЩЕНИЯ Гулакова И.И.	54
СЕКЦИЯ №23.	
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20).....	55
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ЗЕЛЕНЫЙ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ Лопсан А.П.	55
СЕКЦИЯ №24.	
ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21).....	58
СЕКЦИЯ №25.	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)	58
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД	59

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)

СЕКЦИЯ №2.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)

«В ЖИЗНИ РАЗ БЫВАЕТ ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ...» (ПЕСНИ ПЕНЗЕНСКИХ КОМПОЗИТОРОВ НА СТИХИ ВЛАДИМИРА ЗАСТРОЖНОГО)

Лысова Е.К.

Пензенский государственный университет, г. Пенза

«За рекой, за лесом солнышко садится.
Что-то мне, подружки, дома не сидится.
Сладкая истома, черёмухи цвет...
Усидишь ли дома в восемнадцать лет?»

С шестидесятых годов прошлого века эта песня пользовалась необычайной популярностью не только в России, но даже за рубежом. А там, где она появилась, её считали народной, хотя у неё были авторы. «55 лет назад, осенью 1959 года, совсем ещё молодой поэт Владимир Застрожный, демобилизованный морской офицер-фронтовик, и композитор Октябрь Гришин – руководитель недавно созданного Пензенского русского народного хора, написали песню «Восемнадцать лет» [3, с.3].

Уже более пятидесяти лет звучит эта песня, а секрет её невероятного успеха так и не раскрыт. И дело тут не только в удивительном сочетании лирики, жизнелюбия и оптимизма, заложенного в стихотворении Владимира Застрожного, но и в глубокой взаимосвязи музыки Октября Гришина с народной песней. Это нашло отражение и в необычайно кантиленной мелодии, и в метрической и ладовой переменности, и в подголосочном складе фактуры, и даже в незатейливом, подобном наигрышу на гармонике, аккомпанементе. Несколько поколений пензенцев были воспитаны на этой песне, но, пожалуй, мало кто знал о том, что свои восемнадцать лет автор текста встретил далеко от пензенской земли. И тем не менее для скромного воронежского паренька, заброшенного после войны в сурский край, Пенза постепенно становилась «второй родиной». За «Восемнадцать лет» последовали и другие песни, созданные в содружестве с Октябрем Гришиным: «Русская зима», «Для тебя, моя любовь заветная», «Городок наш Пенза не столичный», «Пензенская круговая» и многие другие. Прекрасные стихи Владимира Застрожного, созданные в разные годы, продолжают служить источником творчества для многих композиторов и сегодня. В 2012 году увидел свет новый сборник известного пензенского композитора Геннадия Адольфовича Гроссмана «Сурские мелодии». Открывают сборник двадцать пять песен на стихи поэтов сурского края, среди которых почётное место принадлежит Владимиру Застрожному. На его стихи Г.А. Гроссманом созданы песни «Где-то в России», «Зарянка-зоренька», «Золотистая девушка в белом», «Белые кудри черёмух», «Луга весенние», «Где же ты бродишь?», «Откровенная песня», «Весенняя улыбка». Все эти произведения посвящены теме любви, то робкой и несмелой, то пылкой и страстной. Большинство из них лирические, продолжающие традиции Октября Гришина. Это песни, стилизованные в духе русской народной музыки, обусловленные особенностями поэтического текста. В них чётко прослеживается куплетная форма, даже если этот принцип не до конца выдерживается в самом стихотворении. «Волнообразное» строение музыкальных фраз, типичная гармоническая схема с использованием параллельно - переменного лада и отклонениями в субдоминанту также роднят эти песни с народными. В некоторых из них это родство заметно и в фактуре: в фортепианной партии используется приём подражания переливам гармонике, особенно ярко это проявляется в «Зарянке-зореньке» и «Откровенной песне». Типичные для русской народной песни терцовые и секстовые удвоения мелодии очевидны в песнях «Луга весенние» и некоторых других.

В 2013 году известный пензенский музыкант Виктор Павлович Чех выпустил новый альбом сочинений под довольно экзотическим названием «Ананасы в шампанском». В нём были представлены вокальные композиции

на стихи выдающихся русских поэтов XX века Игоря Северянина, Анны Ахматовой, Максимилиана Волошина, Бориса Пастернака, Николая Гумилёва, Осипа Мандельштама, и видимо не случайно в их числе оказался и Владимир Застрожный. Четвёртая песня альбома - «Золотых волос метель» на его стихи создана в стиле старинной музыки, о котором свидетельствуют «натуральные» гармонии и тембр «а ля клавесин». Суровое начало вокальной партии неожиданно выливается в «кричащую» кульминацию с джазовыми вкраплениями. «Золотых волос метель» - не единственное обращение В.П. Чеха к творчеству Владимира Застрожного. Ранее на его стихи им была написана песня «Ромашки».

В 2014 году увидел свет новый сборник «Избранные хоры» ещё одного пензенского композитора - Юрия Александровича Дроботова. В него вошли произведения на стихи Владимира Застрожного «Где-то в России», «Где же ты бродишь?», «По рошам утро розово» и «Откровенная песня», представляющая авторское переложение для смешанного хора ранее опубликованного в «Сборнике песен» одноимённого романса. В этом произведении Юрий Дроботов в несколько ином, менее привычном ключе «прочитывает» стихотворение В. Застрожного. Как правило, почти все музыкальные воплощения произведений поэта, начиная с «Восемнадцать лет» были созданы в духе русских народных песен, что, несомненно, было обусловлено стилистикой застроженного стиха. «Откровенная песня» Ю. Дроботова по стилю более напоминает русский классический романс начала XIX века. Её торжественное, «блестящее» звучание, усиленное использованием жанра вальса, вызывает ассоциации с некоторыми романсами М.И. Глинки, такими как «В крови горит огонь желанья» и некоторыми другими. Что касается выпущенного годом ранее уже упоминавшегося здесь «Сборника песен», интересен тот факт, что в нём представлено сочинение, посвящённое Владимиру Застрожному. Песня на слова пензенского поэта Владислава Самсонова «Знакомые мотивы» заканчивается прекрасными строками, характеризующими стихи поэта Владимира Застрожного:

«В них вечный зов-любовь и нежность,
Приволья русского уют.
И «Восемнадцать лет», как прежде,
Душе покоя не дают» [2, с. 169].

25 августа 2014 года в Пензенской областной филармонии состоялся вечер памяти заслуженного работника культуры Российской Федерации Владимира Кирилловича Застрожного, на котором прозвучали лучшие музыкальные произведения на его стихи. К 90-летию со дня рождения выдающегося русского поэта был выпущен сборник песен «У каждого будет своя песнь – восемнадцать лет». В него вошли сочинения пензенских музыкантов О. Гришина, Г. Гроссмана, В. Огарёва, А. Серебрякова, А. Тархова, Р. Давыдова и других с приложенным к нему компакт-диск «Сын России», включающим записи разных лет этих и других произведений в исполнении ведущих артистов и коллективов пензенской области.

Список литературы

1. Гроссман Г. Сурские мелодии.- Пенза, 2012.-220 с.
2. Дроботов Ю. Сборник песен для хора и солистов / Ю. Дроботов.- Пенза, 2013.-185с.
3. «У каждого будет своя песнь - восемнадцать лет»: Песни и романсы на стихи Владимира Застрожного / Автор- составитель К.В. Застрожный.- Пенза, 2014.-52 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕМБРА В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МУЗЫКАЛЬНОГО СМЫСЛА

Лесков А.И.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г.Санкт-Петербург

Представление о музыке как о языке обусловлено её универсальной способностью передавать смысл невербально, при этом актуализируя диалогичность как функцию и неотъемлемое свойство искусства. В основе любой языковой системы мы можем выделить конвенциональный фактор. В инструментарии музыкального языка конвенции можно с легкостью выявить, если рассматривать графическое воплощение музыки или же её структуру с точки зрения теории. Однако, для восприятия смысла заложенного в музыке «сообщения» обладание знаниями о её структуре необязательно. Таким образом, возникает вопрос о природе конвенций, структурирующих восприятие музыки и актуализирующих её способность выстраивать невербальный диалог между автором и слушателем.

В данной статье конвенциональный фактор музыкального языка объясняется через выявление в музыке знаковой структуры и обозначение в качестве смыслового значения музыкальных знаков синестезий, возникающих посредством восприятия тембра как качественного признака звука и одновременно средства музыкальной выразительности. Облегчить поставленную задачу нам поможет а) выявление специфики музыкального языка как семиотической системы и б) анализ восприятия тембра.

Отметим, что обращение к понятийному аппарату семиотики продиктовано её способностью выделить конвенции в любой языковой системе, рассматриваемой с помощью универсального метода. В науке существует множество определений семиотики. Нами используется определение, данное Умберто Эко, который рассматривал семиотику «и как некую *междисциплинарную науку*, в которой все феномены культуры изучаются под знаком коммуникации, и как *технику, метод анализа любых феноменов*» [5]. С нашей точки зрения, данное определение наилучшим образом отражает суть этого научного явления. В настоящее время существует множество семиотических концепций, но до сих пор нет единого определения ключевого для семиотики понятия «музыкальный знак». Остановимся на определении, данном музыкальному знаку Л. Шаймухаметовой. Под знаком исследователь понимает «материально-идеальную стереотипную единицу художественного текста, обладающую свойством инварианта и способностью рождать адекватные звуковой форме образы-представления» [4].

Говоря о структуре музыкального знака, следует обратить внимание, что сама природа музыкального смысла как развивающегося во времени предполагает наличие в структуре музыкального знака компонента, актуализирующего предрасположенность слушателя реагировать определённым образом на знак – «интерпретанты» (термин Ч. Морриса). Именно поэтому в музыкальной семиотике принято использовать в качестве определения структуры знака пирсовскую триаду «икон-индекс-символ», включающую в себя в качестве обязательного компонента представление человека о референте, т.е. воспринимаемом объекте. В соответствии с пирсовской моделью информационный носитель знака, его «тело», «имя», воспринимаемое нами через органы чувств (последовательность звуков, графем и т.д.), связывается в сознании человека с предметом внешнего мира – референтом, который знак непосредственно обозначает. Эта связь осуществляется только через представление о референте, т.е. через наделение последнего индивидуальным смыслом. Представление как механизм психики базируется на способности человека запоминать полученную извне информацию, хранить опыт переживания и эмоциональную оценку, вызванные воспринятым. С точки зрения одного из основоположников теории социальных представлений С. Московичи любое представление в сути своей имеет социальный характер, являясь следствием процесса социализации, в то же время представления «обеспечивают членам сообщества возможность общения, снабдив их кодом для социальных обменов» [3], фактически выполняя функцию стабилизатора значений знаков, выражаясь языком семиотики. Индивидуальный, личностный характер такого рода представлений имплицитно присутствует в их структуре, однако всегда имеет в себе детерминирующее начало в виде опыта, полученного в ходе социализации.

Механизмы сопоставления индивидуальных и социальных представлений, а также смысла и значений знаков, нам представляются очень схожими. С одной стороны, в знаке имплицитно содержится возможность его интерпретации носителем языка, с другой – языковая система вне зависимости от её вида в сути своей конвенциональна, следовательно, знаки, её составляющие, также структурированы конвенциональным фактором.

В соответствии с вышеизложенным утверждением, в семиотике разделяют понятия «*смысл*» и «*значение*» знаков, понимая под «*значением*» – «конвенционально принятое, закрепленное в сознании носителей языка соотношение оболочки знака (знаконосителя) с референтом» [1], а под «*смыслом*» – «способ отражения референта в высказывании» [1]. Значения знаков бывают *графическими* и *семантическими*, однако оба вида обозначают признаки референта, воспринимаемые с учётом конвенционального фактора. Отметим, что нас интересует *семантическое значение*, как, в отличие от графического, не требующее специализированных знаний о структуре музыкального языка. Что касается *смысла* знаков, то он в наибольшей степени индивидуален, поскольку зависит от опыта воспринимающего субъекта, далеко не всегда структурированного исключительно социальными представлениями.

Таким образом, выделив дефиниции этих понятий, остаётся определить, что именно можно считать значением знаков, а что – их смыслом.

Восприятие человека устроено таким образом, что целостный образ предмета, поступающий в наше сознание посредством деятельности органов чувств, анализируется за счёт выделения дискретных единиц, сопоставляется с имеющимся опытом в памяти и после складывается воедино, с учётом момента узнавания. Эмоциональное оценивание, являясь априорным для человека, происходит в момент сопоставления с хранящимся в памяти опытом, являющим собой совокупность ощущений и переживаний, инициированных иным объектом реального мира, с которым ранее было пересечение. В этот же момент создаются вторичные обобщённые образы

на основе собственно воспринятого, т.е. *представления*. Поскольку в психике человека все процессы взаимосвязаны, то представления могут возникать на основе, как восприятия, так и мышления или же воображения. Один и тот же внешний фактор может инициировать представления различные как по своей природе, так и по характеру: социальные, индивидуальные. Связь между созданными психикой представлениями осуществляется во многом за счёт *ассоциаций*. Как и всякое отдельное ощущение, ассоциация закрепляется и становится более отчетливой в результате повторения. Тем самым, чтобы вызвать определённую ассоциацию у человека, нужно знать каким образом выстраивались в его сознании связи между объектами. Поскольку природа человека двойственна: индивидуальное и социальное начала существуют и проявляются одновременно, то помимо сугубо индивидуальных ассоциаций, можно выделить и те ассоциации, которые своей причиной имеют социальные представления. Индивидуальные ассоциации трудно прогнозируемы, однако, ассоциации, имеющие в своей основе представления социальные с предзаданными эмоциональными реакциями на них, подлежат сознательному формированию.

Таким образом, если под референтом в музыкальном языке понимать психологическое состояние, а в качестве модели знака использовать пирсовскую триаду с выделением представления как структурной составляющей знака, то можно сказать, что ассоциации как связь между элементами психики, в том числе и представлениями, априорно свойственны музыкальному знаку. В этом случае под значением знака мы можем понимать ассоциации между представлениями, имеющими социальный характер, а под смыслом – сугубо индивидуальные, в которых социальный аспект либо сведён к минимуму, либо очень трудно выводим. Отметим, что выделение в качестве значения и смысла знака ассоциаций – не являлось предметом изучения ни музыкальной семиотики, ни психологии. Остаётся выяснить какой элемент системы музыкального языка способен вызывать богатые ассоциации, образующие, с одной стороны, значение знаков, а с другой, их смысл. С нашей точки зрения таким элементом является *тембр*. Как известно, тембр являет собой форму звуковой волны и предельно зависим от спектрального состава звука. Проведённые во второй половине 20 века исследования позволили выделить отдельные спектральные составляющие звука, а также синтезировать звуковые сигналы с точно контролируемыми параметрами. В результате было установлено, что: «от спектрального состава звука зависит...структура слухового образа, характеризующаяся такими субъективными свойствами, как объём и плотность» [2].

Тот факт, что тембр порождает ассоциации с объёмом и плотностью звука – т.е. характеристиками, получаемыми благодаря не слуховым, а тактильным ощущениям, свидетельствует о вызываемых его восприятием связях между представлениями, возникающими благодаря деятельности других органов чувств, т.е. *о синестезиях*.

В психологии выделяют два вида синестезий: *по смежности* сопутствующих признаков и *по сходству* эмоциональных впечатлений. Синестезии *по сходству* впечатлений связывают сугубо личностные представления, в которых конвенциональный или, другими словами, социальный фактор практически не выделяем. Синестезии *по смежности* же всегда в основе своей имеют природосообразный фактор. Для наглядности приведём в качестве примера ассоциацию «высота-размер». Высокий звук ассоциируется с объектом небольшого размера, в то время как звучание низкое сопоставляется нами априорно с объектом большим и тяжёлым. Данная ассоциация носит природный характер и возникает из опыта социализации индивида. Однако, помимо природосообразного, ассоциации по смежности могут обладать и социальным характером, накладывающимся непосредственно на природный. Так, в пьесе М. Мусоргского «Два еврея» мы видим, как композитор размещает партию богатого еврея в низкий регистр, в то время как партию бедного – в высокий. Регистровка в данном случае имеет целью вызвать синестезию по смежности размера и высоты объектов, только не природного, а социального характера. Такие синестезии, однако, не исключают и индивидуальных ассоциаций, ведь у каждого человека свои собственные представления о богатстве, бедности, высоте и размере. Потому и связи между ними могут существенно отличаться

Поскольку синестезии есть связи между представлениями, то напрашивается вывод, что именно *в механизме межчувственных ассоциаций и скрыты те конвенции смысла, которые, с точки зрения семиотики, являются способом кодирования информации в любой языковой системе*. При этом синестезии по сходству эмоциональных впечатлений в виду невозможности выделить в них однозначно социальный фактор сопоставимы со смыслом знаков, в то время как синестезии по смежности признаков воспринимаемых объектов – с семантическим значением знака, конвенционально насыщенным.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, в соответствии с которым музыкальный знак наделяется своим семантическим значением благодаря синестезиям, имеющим в основе социальный характер, а смыслом – через ассоциации индивидуальные. И тем компонентом системы, который вызывает

механизм межчувственных ассоциаций, и, как следствие, наделяет музыкальный знак смыслом и семантическим значением является *тембр*.

Список литературы

1. Бразговская, Е.Е. Языки и коды. Введение в семиотику культуры. – Пермь: Изд-во Пермского педагогического университета, 2008. – 41 с.
2. Носуленко, В.Н. Психология слухового восприятия. – Москва: Наука, 1988. – 38 с.
3. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса [Электронный ресурс]. – М.: Гнозис, 2003. – Режим доступа: <http://lib.znate.ru/docs/index-78949.html>
4. Шаймухаметова, Л.Н. Семантический анализ музыкальной темы. – Москва: Изд-во РАМ им. Гнесиных, 1998. – 104 с.
5. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – Санкт-Петербург: Symposium, 2006. – 491 с.

СЕКЦИЯ №3.

КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)

СЕКЦИЯ №4.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО - ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)

БУЛЬВАР КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ БЛАГОУСТРОЙСТВА ГОРОДА

Дмитриева К.В.

Научный руководитель – Дрягина В.Б.

Смоленский государственный университет, г.Смоленск

Бульвар – это крупный архитектурный объект ландшафтного строительства города. Система нормативных документов в строительстве (МГСН 1.01-98) понятие «бульвар» трактует так: «это озелененная территория линейной формы шириной не менее 15 м, предназначенная для массового пешеходного движения, прогулок, кратковременного отдыха. Как правило, бульвар связан с линейными планировочными элементами города: улицами, реками»[1]. Как один из важных элементов благоустройства города он выполняет множество различных функций, имеет некоторые особенности планировки, зонирования и используемых приемов озеленения.

Существует несколько видов бульваров, они различаются в зависимости от местоположения в плане города, от архитектурно-планировочных характеристик и от назначения бульвара. По типу формы на плане бульвары бывают прямолинейные и кольцевые. Примером прямолинейного бульвара может быть Конногвардейский бульвар в Санкт-Петербурге, а кольцевого – Планты в Кракове, Польша. В зависимости от местоположения в городе бульвары бывают межквартальными (бульвар на улице Докучаева, Смоленск), соединяющими главные улицы (бульвар Гагарина, Смоленск), прибрежными (прибрежный бульвар в Гурзуфе, Крым) и т.д. Распространены исторические бульвары, они имеют познавательно-культурную направленность. К примеру, Приморский бульвар в Одессе, Кленовый бульвар в Санкт-Петербурге. Также бульвары могут различаться и по функциональному назначению, они могут быть пешеходными, прогулочными, транзитными и т.д. В большинстве случаев бульвары сочетают сразу несколько функций.

Стоит заметить, что архитектурно-планировочное решение бульвара зависит не только от его расположения в плане города, но и от габаритов участка. Чем больше территория бульвара, тем большую нагрузку он несет, так как, следовательно, увеличивается поток населения и транспорта. Как правило, при ширине бульвара менее 25 м устраивается всего одна аллея (ширина 3-6 метров), на бульварах шириной более 25 м следует устраивать дополнительно к основной аллее дорожки шириной 1,5-3 м, на бульварах шириной более 50 м возможно размещение спортивных площадок, водоемов, участков с объектами рекреационного обслуживания (павильоны, кафе), детскими игровыми комплексами, велодорожками и лыжными трассами[1]. Также такую специфику можно объяснить исторической направленностью, ростом общественного сознания.

Создавая ландшафтный проект бульвара, специалисты рекомендуют проводить не только анализ природных особенностей его будущей территории, но и функциональный анализ всех окружающих его сооружений и городских участков, а также их перспективное развитие. Для правильной организации бульвара необходимо провести функциональное зонирование и определить приоритетные направления использования частей территории [3, с. 101]. Это необходимо для лучшего удовлетворения всех потребностей населения, так как площадь бульвара используется жителями для многих целей: прогулки, отдых, пешеходный транзит, выгул собак, прогулки с детьми, место для общения и т.д. Поэтому целесообразно найти оптимальный вариант пространственного решения для каждой зоны. Например, если бульвар располагается между кварталами и имеет значимую ширину, то, скорее всего, по нему жители близлежащих домов будут выгуливать своих домашних животных. В связи с этим будет правильно при планировке бульвара учесть наличие площадки для выгула животных. Лучше всего, чтобы она была ограждена и имела покрытие для удобной санитарно-гигиенической уборки. Если бульвар располагается между двумя большими улицами, связывает их, то это гарантирует высокий поток пешеходов и велосипедистов. Поэтому необходимо здраво спланировать пешеходные и велосипедные дорожки, которые не должны пересекаться [4].

Мощение бульвара также играет важную роль в зонировании территории. Разными видами плитки, камня или покрытия можно разграничить разные по функциям зоны, а красиво сложенный рисунок увеличит эстетическое значение улицы. Кроме того, дорожки с высокой нагрузкой на них от потока пешеходов целесообразно устроить из полутвердых и твердых материалов.

Одним из основных элементов бульваров является живая изгородь. По нормам СНиП в среднем на 1 га должно приходиться 3-4 тыс. штук кустарников. Их ассортимент будет зависеть от климатических условий территории. Например, в Смоленской области это барбарис Тунберга, кизильник обыкновенный, шиповник собачий, спирея японская, курильский чай и т.д. Живая изгородь также является одним из популярных приемов зонирования территории.

К малым архитектурным формам, которыми, как правило, облагораживают территорию бульвара, относят элементы монументально-декоративного оформления, водные устройства, устройства для оформления мобильного озеленения, городская мебель, устройства для оформления вертикального озеленения. В частности это могут быть скамейки, фонтаны, урны, вазоны и многое другое. Для зон с исторической застройкой МАФ рекомендуется разрабатывать на основании индивидуальных проектов.

Рассмотрим несколько примеров планировки, благоустройства и озеленения бульваров. Конногвардейский бульвар в Санкт-Петербурге является образцом спроектированного бульвара. Эта территория находится между улицей Труда и Александровским садом. Бульвар имеет богатую историю. С 1717 года по 1842 здесь протекал Адмиралтейский канал. Затем было принято решение канал засыпать, а на его месте благоустроить территорию. В то время сам бульвар и его нечетную сторону называли Малой Благовещенской улицей (Благовещенским бульваром). С 1845 года бульвар был переименован в Конногвардейский, так как недалеко от него были расположены казармы солдатского и офицерского корпуса, манеж и конюшни лейб-гвардии конного полка [2, с. 315]. 5 ноября 1945 года были открыты колонны славы, они располагаются на входе бульвара между зданиями бывших Синода и Манежа конногвардейского полка. Протяженность бульвара составляет примерно 680 м и ширина около 20 м. Рельеф бульвара ровный, нет резких перепадов высот. Сам бульвар находится между двумя транспортными путями и является транзитной пешеходной зоной, которая используется населением как безопасный пешеходный участок, так и для прогулок, кратковременного отдыха. Бульвар имеет линейную структуру. Его главным элементом является мощенная пешеходная дорожка посередине (ширина 4 м), которая на всем протяжении бульвара плавно перетекает в небольшие площадки. По бокам дорожки открытый грунт, который засажен с каждой стороны 2 рядами деревьев (липа мелколистная) и газоном. Небольшое ограждение отделяет территорию бульвара от проезжей части, после ограждения есть еще 2 нешироких тротуара. Пространство бульвара открытое, так как он располагается между двумя проезжими частями, здания улицы не закрывают. Участок имеет прямую линейную перспективу, длинные параллельные дорожки уходят вдаль, создается впечатление, что они смыкаются в одной точке. На территории бульвара есть скамейки, урны, летние кафе и павильоны. Улица также оснащена информационными табло с картами, указателями. Территория бульвара озеленена. Деревья посажены в два ряда с каждой стороны дорожки, что обеспечивает хорошую защиту от выхлопных газов и пыли со стороны проезжей части. Под деревьями устроен ровный газон. К сожалению, на бульваре не высажены кустарники и цветники, а ассортимент деревьев скуден. Также на улице весьма немного малых архитектурных форм, не хватает скульптур, вазонов с цветами, небольших фонтанчиков. Кроме того необходимо заметить, что бульвар не имеет детской площадки. В целом бульвар производит приятное впечатление хорошо озелененной и благоустроенной зоны, но немного скучной.

В городе Смоленске также есть улицы, которые можно считать правильно спланированными территориями в виде бульвара. Например, набережная Днепра, находящаяся возле крепостной стены на улице Студенческой. Сама набережная состоит из трех ярусов, которые соединены между собой наклонными лестницами. Самый верхний ярус и считается бульваром, так как он имеет все его необходимые атрибуты. Территория линейной структуры имеет протяженность 865 м. Половина бульвар изолирована от проезжей части крепостной стеной, другую часть отделяют аллеи деревьев и кустарников (туя западная, ива белая, кизильник блестящий, береза обыкновенная и другие). Пространство бульвара достаточно открытое, есть большой обзор на Заднепровский берег, Успенский собор, Нижне-Никольский храмовый комплекс. Перспектива простая линейная, есть одна главная пешеходная дорожка, которая стремится вдаль. Эта мощенная дорожка и является главным элементом бульвара набережной. Она незаметно перетекает в площадки, раздваивается и сходит обратно. Также можно заметить, что территория бульвара разделена на зоны. Есть зона для прогулок (это главная дорожка, наклонные лестницы, нижние ярусы), зона для отдыха (полукруглые площадки со скамейками), зона для прогулок с детьми (детская площадка, оснащённая каруселью, качелями, горками и многим другим), зона для быстрого транзитного движения (на границе с бульваром и проезжей частью есть тротуар). Территория бульвара отличается большим количеством малых архитектурных форм: скамейки, вазоны, фонари, урны, оснащение детской площадки. Это весьма удобно, так как появляется много места для отдыха посетителей, значительно упрощается бытовое обслуживание участка из-за малого количества мусора, а хорошее освещение бульвара будет привлекать посетителей даже в вечернее время. Мощение бульвара выполнено камнем в розовых и белых оттенках, дорожки в некоторых местах полностью уложены камнем в одном цвете, а других местах имеют орнамент. Участок изначально хорошо озеленен деревьями и кустарниками, однако ассортимент скуден. Из деревьев и кустарников представлены: ель обыкновенная, туя западная, береза обыкновенная, ива белая, кизильник блестящий, барбарис Тунберга, клен остролистный. Многие деревья высажены в виде аллеи, но также есть и группы, например, в самом начале набережной возле стены в центре площадки есть круглая клумба, где посажены три туи и кустарники по периферии. К сожалению, многие деревья и кустарники уже пожелтели и поникли, что свидетельствует о скорой необходимости их замены. Везде под деревьями, на откосах берегов, на лужайках присутствует рулонный газон. Для удобства посетителей была разработана парковка для автомобилей.

Из анализа территорий бульваров в разных городах мира можно сделать вывод, что бульвар-набережная в городе Смоленске в целом соответствует всем нормам и правилам, она обустроена и озеленена правильно и привлекает для прогулок все больше и больше жителей города.

Список литературы

1. Система нормативных документов в строительстве. Временные нормы и правила проектирования, планировки и застройки МГСН 1.01-98
2. Горбачевич К.С., Хабло Е.П., Почему так названы?, Лениздат, 1985, с.315
3. Лисина Е.И. Зонирование бульваров как прием оптимальной организации пространства // Современный ландшафтный дизайн: новые перспективы: матер. междунаро. конф. СПб., 2010. С. 41, с. 101.
4. Скверы, бульвары, пешеходные зоны, набережные – [Электронный ресурс] – Режим доступа – URL:<http://gardenweb.ru/ckvery-bulvary-peshexhodnye-zony-naberezhnye> (дата обращения 12.11.14)

ГРАФИКА А.С. ПУШКИНА КАК АВТОИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ

Васильева Е.И., Варламова Н.В.

Дальневосточный федеральный университет,
Профессиональный колледж, г.Владивосток

Думать о пушкинских стихах, - значит
вызывать в памяти его графику,
так же, как рассматривать его
рисунки, - значит мыслить о его поэзии.
А.М. Эфрос

В настоящее время иллюстрирование классики является одной из интересных творческих проблем. Современное ее понимание заставляет рассуждать о связи литературы и изобразительного искусства. Именно при

помощи искусства иллюстрации сюжет становится более понятным, воспринимается лучше, читателю становится легче понять замысел автора. Зрительное восприятие изображения обогащает мышление представлением образа, пейзажа, действия, эмоций, создаёт соответствующий настрой. Иллюстрация также даёт информацию, только зрительную, особенно если речь идёт о другой эпохе, другой культуре и этике, что немаловажно в современном мире.

Сегодняшняя активность читателей, особенно в детском и подростковом возрасте, напрямую зависит от количества и качества иллюстраций. Причиной сложившейся ситуации является большое количество визуальной информации, которая повсеместно окружает человека. На сегодняшний день существенно изменился темп жизни, ритм времени, скорость и формы передачи информации в целом. Гораздо быстрее и эффективнее воспринимается именно визуальная информация, поэтому правильное и грамотное иллюстрирование классических произведений поможет приобщить к чтению широкие слои населения, сделает его гораздо увлекательнее и понятнее, поспособствует постижению авторского замысла произведения.

Однако в современном мире встаёт проблема компетентного иллюстрирования произведений классиков, потому что диктует новые акценты в восприятии литературных произведений, которые мы относим к классике. И многие иллюстраторы либо неправильно интерпретируют смысл произведения писателя, либо вкладывают в рисунок своё понимание ситуации, поэтому сближение и единение мысли художника и писателя является актуальной темой для размышления о возможностях изобразительного искусства в поисках синтеза с литературными идеями и литературной формой.

Вместе с тем, история книжной иллюстрации знала замечательных художников-оформителей, которые точно следовали за словом писателя. Это и Бенуа, Шмаинов, Агин, Табулин, Лансере и многие другие. Но были и в этом списке писатели, которые сами выполняли иллюстрации к собственным произведениям, были не только мастерами слова, но и хорошими художниками. Среди них – Александр Сергеевич Пушкин, великий русский поэт, творческое достояние которого выходит далеко за пределы только литературной деятельности.

Много слов было написано, много научных статей и книг было выпущено о произведениях Александра Сергеевича и о его огромном культурном и литературном вкладе в сокровищницу русского национального достояния. Большинство исследователей творчества великого поэта останавливаются на анализе произведений Пушкина, на фактах из его биографии, зачастую не уделяя должного внимания графическим работам поэта. В настоящее время интерес к графическому наследию А.С. Пушкина проявляется в создании отдельной области пушкинистики, специализирующейся на анализе графики Александра Сергеевича.

Изобразительное искусство А.С. Пушкина очень тесно переплетается с его литературными произведениями, создавая неразделимое творческое пространство, в котором А.С. Пушкин выступает в роли поэта-художника, графическое наследие которого и является его автоиллюстрацией к произведениям.

Каждый рисунок Пушкина, каждая зарисовка, каждый портрет, каждая иллюстрация выступают самостоятельными, законченными произведениями графического искусства, так живо сопровождающими произведения поэта. Без его рисунков немислимо представлять его творения.

Рисункам Пушкина присуще необыкновенно прочная, неразрывная связь с текстом, которая является одним из главных ключей к рисункам Пушкина. Рисунки, в которых эта связь зримо присутствует, можно назвать автоиллюстрациями, но это иллюстрации особого рода, они не дублируют текст, а, возникая на волнах текстовых ассоциаций, уводят в глубины подтекста, прообразов, попутных мыслей, — в творческую лабораторию поэта.

В связи с этим изучение и анализ графики поэта является очень трудным для исследователей процессом, который описал в своем труде «Рисунки русских писателей XVII-XX века» Р.В. Дуганов: «Пушкинские рисунки «читать» несравненно труднее, чем рисунки Жуковского. Не только потому, что он делал их для себя, но и потому, что его контрапункт гораздо богаче и, главное, идёт на большей ассоциативной глубине»[2].

Всего рисунков А.С. Пушкина насчитывается около двух тысяч. Они покрывают большинство рукописей поэта. Рисунки поэт создавал для себя, и в этом их особая ценность. Выявляя неожиданные ассоциации, они позволяют проникнуть в ту мысль, образ, чувство поэта, которые, не выразившись в словах, остались запечатлёнными в рисунках. Тонкий знаток пушкинской графики А.М. Эфрос так определяет её содержание: «...Это дневник в образах, зрительный комментарий Пушкина к самому себе, особая запись мыслей и чувств, своеобразный отчёт о людях и событиях»[11].

Рукописи Пушкина давно уже точно названы стенограммой творческого процесса. Графические знаки в этой стенограмме (собственно рисунки) таят заманчивую возможность зримо представить ход поэтической ассоциации от последнего зачеркнутого слова до следующей за рисунком строки.

Поэт рисовал легко и беззаботно. Он рисовал естественно и непринужденно, как будто его рука сама выводила пером рисованные образы.

Вместе с тем, в его рисунках нет лишних деталей, штрихов и линий. Всякая деталь в рисунках Пушкина неслучайна. Если даже она и не имеет символического звучания, – она указывает характернейшую черту изображенного[4].

Рисунок Пушкина лишен видимой эволюции. Он родился зрелым и исчез, не состарившись. Он многогранен, у него есть различные оттенки, но нет развития. Он был подан как бы весь сразу и только размещён по разным годам, как по разным полкам размещают части одного сервиза.

Графика Пушкина-художника всегда узнаваема. Ей присуще характерное отличительное своеобразие черт рисунка:

- стремительность и легкость изображений;
- свободный штрих, доходящий до полного артистизма;
- лаконичность образов и силуэтов;
- эскизность и утрированность пушкинских набросков;
- необыкновенная пластичность рисунков, выраженная в художественной выразительности форм зарисовок и их динамичности;
- точность, выразительность характера линий рисунка, достигнутые благодаря развитому зрительному аппарату А.С. Пушкина, его зоркости и цепкости глаза;
- непогрешимое чувство гармонии;
- предельная обобщенность изображений;
- грамотное использование малых, «скупых», средств графической передачи выразительности рисунка, которые помогают поэту-художнику поставить акцент в изображении, показать самое главное, передать суть изображаемого.

Но всё же самой главной чертой, присущей графике и любому рисунку Пушкина, всё-таки является вдохновенность. Вдохновенность – это то состояние, в котором постоянно жил поэт, в котором он творил и мыслил. Именно вдохновенность помогла Александру Сергеевичу создать золотой фонд русской литературы.

В ряде случаев Пушкин использовал рисунки буквально как «рисованные слова», заменяя изображение словом, а слово — рисунком, читающимся как запись[1]. На самом деле графические эскизы Пушкина стимулировали его поэтическую мысль, они помогали поэту найти выражение своих мыслеобразов в словах, помогали поймать момент, миг рождения идеи, зарисовав её, чтобы в дальнейшем развить её в литературном творчестве. Именно в этом и заключается их особая ценность в качестве наглядного информационного ряда, который сопровождает все произведения поэта.

Некоторые рисунки были лишены видимой взаимосвязи с текстом, но были и такие наброски, ближе других стоящие к понятию «иллюстрации».

Александр Сергеевич любил иллюстрировать свои поэмы и стихотворения рисунками, которые как можно точнее передают замысел автора, его видение. Мы можем увидеть, как и что рисовало воображение в уме писателя, какие картины представляли перед глазами поэта. Автоиллюстрации – важнейшие и неотделимые части поэтического наследия Пушкина.

Рисунки Пушкина – прежде всего рисунки поэта, выведенные его рукой. Их прелесть, их интерес не живописного порядка. Рисунки Пушкина не только "по ту сторону" всякого живописного искусства, но и нередко и по ту сторону поэтической индивидуальности автора. Для них характерна, прежде всего, сжатость форм, сведение всего к самому существенному. Но выбор этого существенного совершается по иному принципу, чем в рисунках живописцев. Это существо поэтической идеи, а не зрительного образа, и даже не пластически выраженного.

В наше время иллюстрирование классики становится очень важным направлением изобразительного искусства, которое помогает раскрыть суть произведения благодаря своей наглядной форме. Иллюстрация является не просто добавлением к тексту, а художественным воспроизведением, дыханием своего времени. Поэтому автоиллюстрации А.С. Пушкина становятся неотъемлемыми элементами большинства изданий его произведений. Это не рисунки в обычном смысле слова. Это – рисованная поэзия, вся суть которой заключается в единении литературы и графического искусства.

Список литературы

1. Барпгг К.А. Русское литературоведение XX века: учебное пособие в 2-х ч. 4.2. – СПб: Изд-во РГПУ им. А. Герцена, 1997.– 474 с.
2. Дуганов Р. Рисунки русских писателей XVII – начала XX века: альбом. – М., «Советская Россия», 1988. – 225 с., 314 илл.

3. Жуйкова Р.Г. Портретные рисунки Пушкина: каталог атрибуций. - РАН. Пушкин. комис. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 428 с.
4. Краваль Л.А. Рисунки Пушкина как графический дневник. – Серия «Пушкин в XX веке», IV. – М., «Наследие», 1997. – 536 с.
5. Павлова Е.В. Портреты А.С. Пушкина. Портреты современников // Московская изобразительная Пушкиниана: Изд. 3-е, перераб. – М., 1991. – с. 228.
6. Поспелов Г.Г. Ещё раз о рисунках Пушкина. - Вестник истории, литературы, искусства. Альманах. Том IV. /[гл. ред. Г.М. Бонград-Левин]; Отд-ние ист.-филол. наук РАН. – М.: Собрание; Наука, 2005. – т.4. – 2007. – 559 с.
7. Поташова К.А. Проблема «А.С. Пушкин и изобразительное искусство» в отечественном и зарубежном литературоведении [Текст]. - Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунар. науч. конф. (г.Санкт-Петербург, февраль 2012 г.).— СПб: Реноме, 2012. — С. 33-36.
8. Фомичев С. А. Графика Пушкина. – СПб: ИРЛИ (Пушкинский Дом): Новая лит., 1993. –109 с.: ил.
9. Фомичев С. А. Рисунки Пушкина и творческий процесс // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. — Вып. 22. — С. 5—15.
10. Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. – 4-е издание, стереотипное. – М.: Искусство, 1986. – 446 с.
11. Чудинов В.А. Тайнопись в рисунках А.С. Пушкина. («Рисунки руницы»). – М.: Поколение, 2007. – 488 с., ил.
12. Эфрос А. Рисунки поэта. –2-е изд., расш. и перераб. – М.: Academia, 1933. – 471 с.: ил.

СЕКЦИЯ №5.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)

СЕКЦИЯ №6.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)

СЕКЦИЯ №7.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)

СЕКЦИЯ №8.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)

ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В НЕМЕЦКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЭСТЕТИКЕ XIX ВЕКА

Калантарян Л.А., Налбандьян М.А.

Ставропольский государственный педагогический институт, г.Ставрополь

Осмысление музыкального искусства как культурного феномена, в немецкой музыкальной эстетике XIX века, во многом основывается на древнегреческой философии. В материалистических воззрениях на искусство Демокрита и Эпикура, в идеалистической философии Платона, в учении об искусстве и поэзии Аристотеля, сложилась система концептуальных подходов познания окружающего мира, а музыкальное искусство выступало как один из способов познания.

В соответствии с воззрениями Демокрита – источником искусства являлось «подражание». Философ полагал, что «творчество рождается в приступе «безумия», то есть особого вдохновения» [3, с. 346]. Эпикур

продолжил и завершил материалистическое учение Демокрита открыв, по выражению К. Маркса «эмпирическую психологию и эмпирическое естествознание», он создал учение проникнутое глубокой гуманностью, в котором дано и осмысление сущности искусства.

Вопросы о сущности и значении поэзии и музыкального искусства нашли отражение в эстетическом учении Платона в трудах «Государство» и «Законы». Как отмечает исследователь истории древнегреческой литературы С.И. Радциг: «Понимая «поэзию» в прямом смысле греческого слова как «творчество», Платон выделяет из равных видов творчества специально ту часть, которая занимается «мусическим» искусством и стихотворными размерами. Искусство он считает делом вдохновения и «безумия» (мания), исходящего от муз и пробуждающего душу к поэтическому творчеству. А красоту он подводит под понятие добра» [3, с. 352]. Как и Демокрит, Платон считал искусство «подражанием», отражающим видимый мир, который в соответствии с его философскими воззрениями является лишь копией «мира идей», в таком мире роль искусства во многом второстепенна. Само «подражание», по мысли философа нельзя понимать как активную художественную деятельность, следовательно, и искусство выступает как «несовершенная форма созерцания». Это приводит Платона к сентенции: «Искусство должно служить целям этическим, которым подчиняется и само государство, и потому, если оно таким целям не удовлетворяет, оно должно быть устранено» [3, с. 352]. Философ выделяет важнейшее значение поэзии и музыки, как средств воспитания граждан, основывая свою моралистическую концепцию на приоритете добродетели и высокой нравственности. В учении Аристотеля об искусстве и поэзии, сущность искусства определяется как «творчество» и противопоставляется «практической деятельности». По мнению философа – искусство «есть не что иное, как творческая способность, руководимая подлинным разумом» [3, с. 356]. Следовательно, искусство есть творчество, то есть создание нового не существовавшего ранее. Наиболее полно взгляды философа на искусство отражены в «Поэтике». Определяя сущность искусства как подражание, Аристотель понимает подражание не как «рабское копирование», а как творческое воспроизведение окружающей действительности. В отличие от Платона он видит в художественном подражании возможность помочь человеку осмыслить окружающий мир, понять его, так как: «художественное подражание творчески воссоздает действительность и вследствие этого приобретает руководящее значение в жизни. Искусство, таким образом, есть, особая форма познания и служит той же цели, что и наука, но другими средствами» [3, с. 356]. В «Поэтике» основное внимание Аристотеля сосредоточено на трагедии. Важнейший составной элемент трагедии - «музыкальная композиция». Философ видит цель трагедии в очищающем воздействии, посредством возбуждения у зрителей чувства жалости и страха, такое же очищающее воздействие имеет и музыка. В «Политике» Аристотель, вслед за Платоном выделяет социальное и воспитательное значение музыкального искусства. Обосновывает необходимость включения музыки в число основных общеобразовательных предметов тем, что она способна оказывать высокое моральное влияние на личность. Этические воззрения древнегреческих философов на музыкальное искусство оказали большое влияние на последующее развитие европейской музыкальной эстетики. Особенно интенсивно музыкально-эстетические воззрения развиваются в европейской культуре XVIII-XIX веков [2].

Оценивая значение века Просвещения в становлении музыкально-эстетической, музыкально-критической мысли, в развитии европейской музыкальной культуры Т.Н. Ливанова отмечает: «Это эпоха создания музыкальной классики, рождения крупных музыкальных концепций по существу уже светского образного содержания. В XVIII веке музыка не только встала на уровень других искусств, переживавших свой расцвет с эпохи Возрождения, на уровень литературы в ее лучших достижениях, но в целом превзошла достигнутое рядом других искусств» [1. с. 5]. В русле идеологии Просвещения складывается новая система эстетических воззрений, во многом переосмысливается роль творца и творчества. В первой половине XVIII века музыкально-критическая деятельность становится самостоятельной отраслью музыкознания, постепенно приобретая все большее общественное значение. Основой эстетической мысли являлась проблема отношения музыкального искусства к действительности «теория подражания природе и учение об аффектах», активное осмысление которых началось в предыдущем столетии. Складывающаяся новая музыкальная эстетика активизирует накопление и углубление теоретических знаний о музыке. На основании новых музыкальных концепций утвердившихся в восемнадцатом веке, в девятнадцатом, европейская музыкальная эстетика достигает своего расцвета. Новый этап эстетического самопознания музыки особенно мощное развитие получил в музыкальной эстетике Германии.

Э.Т. Гофман как писатель и музыкальный критик, стал одним из первых выразителей нового содержания в музыкальной эстетике, он «начал новую эпоху в музыкальной критике, подняв ее на высоту, которой никто до него не достигал» [4, с. 6]. В музыкально-эстетических воззрениях Э.Т. Гофмана, музыкальная эстетика это «эстетика поисков романтического осуществления духа музыки». Романтизм как художественное явление осмысливается в исследованиях Гофмана («Старинная и новая церковная музыка», «Поэт и композитор» и др.) как способ познания сущности музыкального искусства, внутреннего существа музыки. Он находит

романтические черты в старинной церковной музыке, в творчестве Баха и венских классиков, что приводит его к определению романтизма как «идеала новой музыки», «как полное и абсолютное богатство души человека, подлежащей и доступной передаче в музыке» [4, с. 7].

В исследовании профессора права Гейдельбергского университета и большого знатока музыки А. Тибо «О чистоте музыки» (1824 г.) внимание автора сосредоточено на осмыслении ценностных оснований музыкального искусства. Будучи приверженцем «щещилианства» - музыкального движения выступающим за возрождение старинной музыки, Тибо отстаивает новую концепцию «реальной исторической перспективы в подходе к музыке прошлого и настоящего» [4, с. 47]. Осмысление ценностных основ музыкального искусства приводят автора к пониманию культурно-просветительской функции музыки, необходимости эстетического воспитания слушательской аудитории.

Выдающийся музыкальный теоретик первой половины XIX века Адольф Бернгард Маркс - основоположник новых концептуальных подходов в эстетике музыкального искусства. Основатель «Берлинской музыкальной школы», автор фундаментальных монографий о немецких композиторах (К.В. Глюк, И.С. Бах и др.), Маркс выдвигал новаторские подходы к осмыслению теории музыки, понимая ее не как свод сухих технических правил, а как науку способную поднимать гуманистические, эстетические проблемы музыкальной культуры, воспитывать музыкальное и творческое мышление. Критикуя формалистическую кантианскую эстетику, Маркс выдвигал положение о том, что, если теория музыки невозможна без включения в нее эстетики, то и философская эстетика невозможна без включения в нее синтеза теоретических и практических знаний о музыке. В исследовании «Музыкальное учение прошлого в споре с нашей эпохой» А.Б. Маркс так обосновывает выдвинутое положение: «Теории искусства принадлежит роль посредника между композитором и народом; она служит и тем и другим; она необходима обоим, чтобы искусство могло полностью оказать свое благотворное влияние. Помимо помощи, которую она дает в овладении техническими знаниями, ее задача – пробудить и воспитать в людях понимание искусства и его произведений. Все высказывания, вся действенная сила теории музыки имеют лишь это назначение, служащее предпосылкой и основой всей жизнедеятельности искусства. Духовное развитие – это в принципе процесс самопознания» [4, с. 105].

Философские воззрения И.Ф. Гербарта оказали большое влияние не только на философию, психологию, педагогику, но и на музыкальную эстетику XIX века. Внимание философа направлено не столько на содержательную, эмоциональную сторону музыкальных произведений, сколько на особенности их структуры, он склонен трактовать музыкальное произведение как «систему тонко организованных композиционных равновесий». Безусловно, новым, в философских взглядах Гербарта на искусство была некая социологичность, проявляющаяся в своеобразном отношении к произведениям искусства с точки зрения спроса и предложения.

Столь мощное осмысление музыкально-эстетической проблематики в первой половине XIX века приводит к появлению фундаментальных трудов, сохранивших актуальность и для современной музыкальной культуры. Мы имеем в виду, прежде всего, исследование Эдуарда Ганслика «О музыкально-прекрасном», в полемике с которым развивалась вся последующая музыкальная эстетика. Обоснование своих музыкально-эстетических воззрений Ганслик начинает с осмысления традиционной в музыкальной эстетике «теории аффектов» противопоставляя два тезиса. Негативный тезис состоит в отрицании того, что музыка призвана только «изображать» чувства. Позитивный – «красота музыкального произведения специфически музыкальна, то есть имманентна сочетаниям звуков безотносительно к внемузыкальному кругу идей» [4, с. 288]. Доказывая первый выдвинутый тезис Ганслик пишет: «характеризовать музыку по воздействию ее на чувства, значит не сказать ничего специфического об ее эстетическом принципе. Нельзя изучить сущность вина, напиваясь. Единственно важное – специфический способ пробуждения чувств музыкой» [4, с. 289]. Исследователь указывает на взаимосвязь культурной динамики и слушательского восприятия, отмечая, что «взаимосвязь музыкального произведения с вызываемым им движением чувств лишена характера необходимой причинности. Музыка остается прежней, но воздействие ее меняется с переменной общепринятой условности». Что приводит ученого к выводу: «в действии музыки на чувство нет ни неперенности, ни последовательности, ни исключительности, а все должно необходимо быть присуще явлению, выступающему как основание эстетического принципа» [4, с. 289]. Безусловно, музыка может вызывать различные чувства, но это не должно становиться фундаментом в осмыслении эстетических принципов искусства, абстрактные идеи не составляют содержания музыкального произведения. На вопрос, что может представлять музыка, если не содержание чувств, Ганслик отвечает – их динамику [4].

Размышляя над природой прекрасного в музыке, Э. Ганслик определяет музыкальную красоту как нечто специфически музыкальное, поясняя, что специфически музыкальное есть прекрасное независимое от идущего извне содержания и не нуждающееся в нем, оно заключается в звуках и «их своеобразном и искусством соединении». Цель искусства Ганслик видит в выявлении внешними средствами идеи не понятийного, а

звукового свойства, ожившей в фантазии творца. На концепции музыкально-прекрасного основывается отношение исследователя к дихотомии форма-содержание: «Красота музыкального произведения коренится исключительно в его музыкальных характеристиках, и законы его конструкции следуют только им» [4, с. 305]. В исследовании затронута еще одна важная проблема - необходимость изучения музыкального искусства в русле процессов исторической и культурной изменчивости. Ганслик отмечает в данной связи: «С недавнего времени начали рассматривать произведения искусства в связи с идеями и событиями их времени. Такая несомненная связь существует и для музыки. И музыка как воплощение человеческого духа не может не находиться во взаимосвязи с остальными родами его деятельности - с современными ей творениями поэтического и изобразительного искусства, с художественной, социальной, научной ситуацией эпохи, наконец, с индивидуальными переживаниями и убеждениями автора» [4, с. 307]. Тем не менее, ученый предостерегает исследователей от смешения методов истории искусств и эстетики, указывая, однако, что устанавливать связи необходимо.

В широком аспекте проблем затронутых в исследовании «О музыкально-прекрасном» освещение получила и проблема музыкального языка. «Язык как и музыка, - пишет Ганслик, - искусственный продукт; для них не существует прообраза во внешней природе, они не сотворены, и им приходится выучиваться. Не языковеды, а народы слагают свои языки по своему характеру и потребности, непременно изменяя и совершенствуя их. Так и музыка, - нашу музыку не «утвердили» «музыковеды», они только зафиксировали и обосновали то, что бессознательно изобрел – с разумностью, но без необходимости – универсально и музыкально одаренный дух» [4, с. 316]. Эта сентенция приводит исследователя к пониманию того, что музыкально-языковая система мобильна и способна к преобразованиям. Утверждая, что музыкальный язык, как и музыка, искусственные продукты, для которых нет прообразов во внешней природе, вернее, природа дает «звук» как самый низший и сырой материал, то композитору нечего «перестраивать», ему приходится творить заново. Он создает независимые и самостоятельные звуковые ряды по законам музыкального мышления. Основу музыкального языка Ганслик видит в музыкальной теме, называя ее микрокосмосом музыки, эстетически неделимой единицей музыкальной мысли. Безусловно, широчайшая палитра музыкально-эстетических воззрений Эдуарда Ганслика, осмысление традиционной и новационной проблематики интенсифицировали развитие не только музыкальной эстетики, но и музыкальной аналитики, музыкально-критической мысли, нашедшей отражение в трудах А.В. Амброса, Г. Гервинуса, А. Зейделя, Г. Лотце, Ф. фон Хаузеггера, Р. Циммермана и др.

Таким образом, эстетические воззрения на музыкальное искусство, уходящие корнями в древнегреческую философию и нашедшие широчайшее осмысление в немецкой музыкальной эстетике XIX века обосновали и утвердили понимание музыкального искусства как культурного феномена, определили пути дальнейшего развития музыкально-эстетической, музыкально-критической мысли в современном культурном пространстве.

Список литературы

1. Ливанова Т.Н. История западноевропейской музыки до 1789 года. М.: Музыка, 1982. - 622 с.
2. Налбандян М.А., Калантарян Л.А. Развитие идеи нравственно-эстетического воспитания молодежи средствами музыкального искусства в истории отечественного научного знания // История музыкального образования как область научного знания: ретроспектива, современное состояние, перспективы развития: материалы первой сессии Научного совета по проблемам истории музыкального образования / ред. сост. В.И. Адищев; Перм. Гос. ун-т. – Пермь, 2010. - 169 с.
3. Радциг С.И. История древнегреческой литературы. М.: Высшая школа, 1982. - 487 с.
4. Музыкальная эстетика Германии XIX века. М.: Музыка, 1982. - 432 с.

СЕКЦИЯ №9.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)

СЕКЦИЯ №10.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)

ОБРАЗ АВТОРА В АВТОБИОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА В. НАБОКОВА «ДРУГИЕ БЕРЕГА»)

Бибина И.В.

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г.Саратов

При рассмотрении произведения, принадлежащего к жанру автобиографии, можно затронуть множество проблем. Представляется, что для выявления специфики автобиографии как жанра ключевым моментом является рассмотрение группы вопросов, связанных с проблемой автора.

В произведениях других жанров автор может представлять события с точек зрения различных героев; в автобиографии предполагается только одна точка зрения – точка зрения героя автобиографии (он же автор), который в этом жанре по определению находится в центре внимания, в то время как в других жанрах автор и герой заведомо не тождественны, находятся (если использовать терминологию М.М. Бахтина) в разных ценностных контекстах. Однако точка зрения автора, ведущего повествование, в различные моменты может не совпадать с точкой зрения автора-героя, того, кто участвует в событиях, описанных в автобиографии. Точка зрения, представленная в автобиографии, является двойной: совмещается точка зрения *описываемого* лица (персонажа) и *описывающего* лица (автора-рассказчика). Повествуя сам о себе, в автобиографии автор как бы раздваивается – то есть с одной стороны, утверждает себя как автор через написание текста, с другой стороны, то его воплощение, о котором мы читаем, автором не является – как по причине временной или пространственной отдалённости или по причине изменений, произошедших в личности писателя, так и по более глубоким причинам, вытекающим из самой сути художественного творчества. М.М. Бахтин писал в работе «Автор и герой в эстетической деятельности»: «Совпадение героя и автора есть *contradictio in adjecto*, автор есть момент художественного целого и как таковой не может совпадать в этом целом с героем, другим моментом его. Персональное совпадение «в жизни» лица, о котором говорится, с лицом, которое говорит, не упраздняет различия этих моментов внутри художественного целого» [Бахтин: 171-172]. Двойная точка зрения, носителем которой является автор, совмещающий два плана видения, является одной из жанровых примет автобиографии и природным свойством акта воспоминания. Кроме того, при воспроизведении других точек зрения они отчётливо пропущены через авторское восприятие.

Удобным аналитическим инструментом для обнаружения и описания слоёв восприятия, существующих в автобиографическом произведении, является методика анализа «точки зрения», разработанная Б.А. Успенским в работе «Поэтика композиции». Концепция учёного позволяет проанализировать различные планы восприятия изображаемого мира героем автобиографии и представления его автором. В качестве примера сложного наложения и перехода точек зрения разберём эпизод из конца третьей главы «Других берегов».

В эпизоде можно выделить несколько смен точек зрения в пространственно-временном и психологическом плане. Абзац начинается с фразы, подчёркивающей акт воспоминания, совершаемый автором-повествователем в момент создания произведения, и сразу после этого нам предлагается другая пространственно-временная точка отсчёта – детская начала века, и видение восьмилетнего мальчика, наблюдающего за своим дядей, который, в свою очередь, на мгновение переносится в прошлое и чьё восприятие является главным элементом этой фазы воспоминания: «А вот ещё помню. Мне лет восемь. Василий Иванович поднимает с кушетки в нашей классной книжку из серии *Bibliothèque Rose*. Вдруг, блаженно застонав, он находит в ней любимое им в детстве место» [Набоков: 187]. После этого временной план резко меняется, мы переносимся в период, оставшийся за пределами автобиографии, и от точки зрения автора, через пропущенную сквозь его восприятие перспективу *M-me de Segur*, переходим на более общую стадию, соединяющую все три представленные точки зрения: «...и через сорок лет я совершенно так же застонал, когда в чужой детской случайно набрёл на ту же книжку о мальчиках и девочках,

которые сто лет тому назад жили во Франции тою стилизованной *vie de chateau*, на которую M-me de Segur, nee Rastorchine, добросовестно перекладывала своё детство в России, – почему и налаживалась, несмотря на вульгарную сентиментальность всех этих «Les Malheurs de Sophie», «Les Petit Filles Modeles», «Les Vacances», тонкая связь с русским усадебным бытом» [Набоков: 187].

Это постепенное развёртывание и перетекание планов восприятия имеет спиральную структуру, являющуюся одним из лейтмотивов и структурным принципом набоковской автобиографии, и отражается в синтаксическом строении предложения: тезисом служит воспоминание дяди; антитезисом, отделённым точкой с запятой – похожее переживание автора сорок лет спустя и подготавливающее синтез истолкование книги, вызвавшей эти эмоции; синтезом, данным через тире – обобщение и объяснение общих для двух поколений чувств. Это объяснение углубляется и уточняется в следующей фразе, и из пространства и времени, принадлежащих автору-повествователю, мы снова возвращаемся к точке зрения восьмилетнего героя повествования: «Но моё положение сложнее дядино, ибо когда читаю опять... всю эту чепуху, я не только переживаю шемящее упоение, которое переживал дядя, но ещё ложится на душу моё воспоминание о том, как он это переживал. Вижу нашу деревенскую классную, бирюзовые розы обоев, угол изразцовой печки, отворённое окно: оно отражается вместе с частью наружной водосточной трубы в овальном зеркале над канапе, где сидит дядя Вася, чуть ли не рыдая над растрёпанной розовой книжкой» [Набоков: 187].

Приведённая цитата представляет собой первый виток очередной спирали повествования. Антитезисом к ней служит прорыв из мира повествователя, во время которого снова ненадолго меняется пространственно-временная перспектива, и всё разрешается в вечном настоящем, поглощающем и разрешающем все точки зрения и пространственно-временные векторы эпизода: «Ощущение предельной беззаботности, благоденствия, густого летнего тепла затопляет память и образует такую сверкающую действительность, что по сравнению с нею паркеро перо в моей руке, и самая рука с глянцем на уже веснушчатой коже, кажутся мне довольно аляповатым обманом. Зеркало насыщено июльским днём. Лиственная тень играет по белой с голубыми мельницами печке. Влетевший шмель, как шар на резинке, ударяется во все лепные углы потолка и удачно отскакивает обратно в окно. Всё так, как должно быть, ничто никогда не изменится, никто никогда не умрёт» [Набоков: 187-188].

Думается, что можно сделать предположение о двухуровневой структуре образа автора в автобиографии: первый уровень, непосредственно запечатлённый в тексте – автор-герой, принадлежащий к повествуемому миру; второй – автор-повествователь, тот, кто создаёт воспринимаемый нами повествуемый мир. Два эти уровня во многом пересекаются и накладываются друг на друга, но не совпадают. Гипотезу о двойственной природе образа автора выдвинул М.М. Бахтин в работе «Проблема текста»: «Так называемый «образ автора» – это, правда, образ особого типа, отличный от других образов произведения, но это *образ*, а он имеет своего автора, создавшего его. Образ рассказчика в рассказе от «я», образ героя автобиографических произведений (автобиографии, исповеди, дневника, мемуаров и др.), автобиографический герой, лирический герой и т.п. Все они измеряются и определяются своим отношением к автору-человеку (как особому предмету изображения), но все они – изображённые образы, имеющие своего автора, носителя чисто изображающего начала» [Бахтин: 306-307]. Представляется, что «образ героя автобиографических произведений» в статье Бахтина соответствует тому уровню образа автора, который принадлежит миру повествования; «носитель чисто изображающего начала» отображается в тексте как образ автора-повествователя; «автор-человек» как «особый предмет изображения» – это реально-биографический автор как «прототип» автора-героя, не равный автору-повествователю, хотя читательское осознание наличия реально-биографического автора лежит в основе восприятия и образа автора-героя, и образа автора-повествователя. Набоков иронически обыгрывает эту жанровую условность: «Заодно воскресает образ моей детской кровати, с подъёмными сетками из пушистого шнура по бокам, чтобы автор не выпал» [Набоков: 149]. Читатель понимает, что речь идёт о ребёнке, которому ещё предстоит вырасти и стать автором, но открытое название этого ребёнка автором заставляет его осознать, что фоном для автобиографии служит именно фигура взрослого автора-повествователя, который подшучивает над читателями, доводя эту инерцию восприятия до логического предела.

Пользуясь терминологией М.М. Бахтина, можно сказать, что тот, о ком мы читаем, не обладает избытком художественного видения, необходимым для того, чтобы написать о себе, но таким избытком располагает тот, кто ведёт повествование о своем прошлом из другой точки времени и пространства, и этот избыток является критерием, который позволяет разделить их. Автор находится как бы сразу в двух мирах – мире повествования, где он выступает как герой автобиографии, и мире повествователя, который заключает в себе повествуемый мир. В «Других берегах» этот «избыток художественного видения» постоянно вторгается в повествуемый мир. Примером может служить уже проанализированный отрывок, где ценность воспоминанию придаёт позднейший факт утраты этого мира, и множество других более или менее открытых прорывов ткани повествования.

Со структурными особенностями образа автора связана специфика пространственно-временного строения автобиографии. С одной стороны, автор-герой автобиографии существует внутри того хронотопа, где находятся его персонажи, причём в этом мире и пространство, и время отдалены от того пространства и времени, где «сейчас», то есть в момент создания повествования, находится автор-повествователь. Это «сейчас» написания текста порождает его собственный авторский хронотоп, соположенный с реально-биографическим автором во времени и пространстве и родственный читательскому хронотопу по признаку нахождения *вне* текста, но на самом деле также являющийся частью мира произведения: этот хронотоп выполняет функцию пространственно-временной композиционной рамки, необходимой для восприятия текста автобиографии, в котором важнейшим организующим моментом является образ автора. В «Других берегах» постоянно встречаются намёки и прямые указания на местонахождение автора во время создания автобиографии: «в горах Америки моей», «домой – за спасительный океан», «сейчас, в 1953-ем году, в Орегоне, где пишу это» – но не сами по себе, а в моменты, когда особенно живо ощущается эффект присутствия в повествуемом мире, в России. В связи с пребыванием в Европе таких пространственно-временных мостов не наблюдается, они напрямую соединяют утерянную Россию и настоящее местонахождение автора. Один из наиболее интересных примеров по конструкции представляет собой как бы перевёрнутую спираль, точкой отсчёта которой являются пространственно-временные координаты повествователя: «Летние сумерки («сумерки» – какой это томный сиреневый звук!). Время действия: тающая точка посреди первого десятилетия нашего века. Место: пятьдесят девятый градус северной широты, считая от экватора и сотый восточной долготы, считая от кончика моего пера. Июньскому дню требовалась вечность для угасания: небо, высокие цветы, неподвижные воды – всё это как-то повисало в бесконечном замирании вечера, которое не разрешалось, а продлевалось ещё и ещё грустным мычанием коровы на далёком лугу или грустнейшим криком птицы за речным низовьем, с широкого туманного мохового болота, столь недостижимого, что ещё дети Рукавишниковы прозвали его: Америка» [Набоков: 190]. Второй виток, уходящий вглубь прошлого – июньские сумерки в Петербургской губернии; завершающий виток, уходящий ещё глубже и в то же время служащий как бы зеркальным отражением «начавшегося синтеза», как называет Набоков «те четырнадцать лет, которые провёл уже на новой родине», или его уменьшенным изображением, увиденным с обратного конца телескопа – мнимо-пророческое название болота, не имеющее никакого отношения к реальной Америке, где находится мемуарист, но звучащее как бы обратным эхом в свете позднейшего знания.

Ещё одна принципиально важная характеристика автобиографии вытекает из проведённого выше разделения образов автора-героя и автора-повествователя и различных степеней их доступа к завершающему авторскому контексту. Вычленение нескольких уровней в какой-либо структуре даёт возможность говорить о диалогических отношениях между ними. Следовательно, представляется возможным подход к жанру автобиографии как к диалогу различных пластов авторского контекста, в связи с чем их взаимодействие в тексте автобиографии может рассматриваться как история становления авторского ценностного контекста, отражающая на стилистическом уровне историю становления личности.

Список литературы

1. Бахтин, М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000.
2. Набоков, В.В. Русский период. Собр. соч.: в 5 т. / В.В. Набоков. – СПб.: Симпозиум, 2000. – Т. 5.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПЬЕСЕ Н. САДУР «ЗАМЕРЗЛИ»

Сорока С.А.

Южный федеральный университет, г.Ростов-на-Дону

Психологическое пространство героя является одним из важнейших элементов в построении художественного пространства произведения. В литературоведении к проблеме психологического пространства обращались Лотман Ю.М., Топоров В.Н., Бахтин М.М. и др. Так, М.М. Бахтин, рассмотрев вопрос о пространственной форме героя, приходит к выводу, что в литературе «мир изображен изнутри, как душевно-духовная сфера, включающая в себя намерения, мысли, чувства» [Бахтин 1975: 339]. Согласно мнению В.Н. Топорова, уровнем психологического пространства является социальный мир персонажа и его самосознание [Топоров 1983: 243]. Ю.М. Лотман, в свою очередь, отмечает, что для раскрытия характеров и психологической мотивации поступков героев важны «факторы, вызывающие у человека состояние бездействия и скуки,

способствующие задумчивости и развитию рефлексии» [Лотман 1988: 327]. В современной психологии психологическое пространство используется для описания внутреннего мира человека и его жизненного мира [Василюк 1990: 179].

В связи с этими особенностями психологического пространства человека интересно обратить внимание на одну из пьес Нины Садур «Замерзли». Это пьеса о двух уборщицах, которые моют полы в Московском драматическом театре имени Пушкина. Пьеса насыщена философско-психологическими мотивами одиночества, неприкаянности и историями о не сложившихся жизнях. Одна из главных героинь – Надя – вынуждена пойти работать уборщицей, чтобы приобрести теплую одежду и перестать мерзнуть. Она признается: *«Ничего себе нету! Я заработаю на сапоги и бегу отсюда»* [Садур 1989: 171]. Лейла – беженка из Дагестана, спасающаяся от жестокости собственного отца. Из-за его многочисленных побоев девушка потеряла слух и стала калекой: *«Нас бил отец. Всех бил. Особенно девочек. Мне отбил слух и челюсть, видишь низ лица немного кривой»* [Садур 1989: 173]. Описание внешности служит отражением внутреннего мира героини. Поэтому с изменением внешности происходят изменения психологического характера Лейлы. Из-за угнетающей атмосферы в семьях главных героинь они находятся в тяжелом психологическом состоянии, что приводит их к замкнутости в себе и нарушению психологического равновесия. Эта особенность характеров уже с начала пьесы задает определенный вектор психологическому пространству – его нарушение и сужение, проявляющиеся в элементах абсурда и сумасшествия, как это можно наблюдать во многих пьесах Н. Садур.

Итак, за простым, на первый взгляд, сюжетом пьесы скрывается вереница символов и смысловых намеков, раскрывающих психологические и религиозные черты каждой героини. Например, в середине пьесы неожиданно появляется бутафорский крест: *«Лева выносит бутафорский крест, прислоняет к стене»* [Садур 1989: 183]. Герои часто говорят о вере, о самых высоких материях, однако психологически живут низко и аморально. Обратим внимание, что герои относятся к данному кресту как ненужной поделке, которая олицетворяет у них Бога. Например, Надя признается: *«Я один раз зашла в церковь, ну просто ради смеха. Там все золотое, и дым, я так испугалась, еще затаянут»* [Садур 1989: 189]. Дурное упоминание о Боге указывает на темные стороны героев, их озлобленность и страх. Из теории Топорова известно, что самосознание оказывает влияние на психологический аспект героев. Действительно, нравственные ориентиры героинь влияют на их психологическое состояние, чувства и желания. Кстати, загадочный крест выносит на сцену глухонемой дядя Лева, живущий в подвалах театра. Примечательно, что никто кроме него больше не видит призрак актрисы. У автора именно этот юродивый оказывается более пронзительным и чувствительным, чем остальные персонажи, так как главные героини, несмотря на схожие трагические судьбы, не слышат и не понимают друг друга.

Работая в театре, пусть и в качестве уборщиц, героини как бы бессознательно стремятся быть ближе к прекрасному, чтобы скрасить свои печальные судьбы. Следовательно, как отмечает М.М. Бахтин, сущность изображаемых событий меняется в зависимости от мировосприятия героя. Но в театре неожиданно начинают происходить странные вещи: движутся предметы, звучат таинственные голоса, а также появляется тень загадочного призрака. *«Лейла. Та актриса давно уже прокляла это место, весь театр, который мы с тобой моем. Сцену, занавес, люстры, бельэтажи, зеркала, барельефы все охватила»* [Садур 1989: 175]. Вообще, в пьесе остается много неразгаданных вещей и вопросов без ответов. Возникает вопрос, почему призрак актрисы, тихо блуждавший по театру, вдруг достает пистолет и целится сначала в двух героинь, а потом – в пустоту. Эта данность указывает на нарушение как психологического пространства персонажей – появляется тревожность и страх, так и ограниченность пространства помещения. Но самая большая загадка ожидает читателей в конце пьесы. Окончательно замерзшая Надя заболевает: у нее начинается лихорадка. Вереницы видений, отзвуки голосов сплетаются в ее сознании в один непонятный бред. Возникает предположение, что вся произошедшая история – это всего лишь последствие болезни главной героини, и все, что случилось – это часть ее видений. Именно в этот момент происходит расширение психологического пространства героини: *«Мама (пудрит носик). Прими аспирин и не бери в голову»* [Садур 1989: 191].

Символично указание на время года в пьесе: *«Лейла. Ого! Слышишь? Это метель?»* [Садур 1989: 172]. Зима, пронизывающий холод, ледяная вода, растаявший снег – реальный фон происходящего, но героини замерзли и в другом смысле: от нищеты, одиночества и бесприютности, замерзли их души, в них исчезает любовь, сострадание, они сами как бы начинают мстить холодному окружающему миру. Поэтому мы видим прямое указание на сужение психологических границ внутреннего мира.

Таким образом, изначально пьеса Н. Садур «Замерзли» была маленьким рассказом, впоследствии выросшим в полноценную пьесу. Большое внимание в пьесе автор уделяет внутреннему миру героинь. На протяжении всей пьесы происходят изменения в характере девушек, их взглядов, настроений и поведения. Отметим, что психологическое пространство пьесы отличается замкнутостью, погруженностью во внутренний мир персонажей, а изображаемые события меняются в зависимости от мировосприятия героев. В жизни героинь

стремительно нарастают трудности, непонимание окружающего мира, и девушки просто погружаются в неизбежность. Находясь на грани реального и ирреального, они подавлены страхом, душевными муками, обременены заботой и борьбой с внешним миром, который наполнен массой абсурда и сумасшествия. Все это способствует нарушению психологических пространственных конструкций, что приводит к сужению психологического пространства. Таким образом, опираясь на мнения известных литературоведов, мы заключили, что в пьесе Н. Садур «Замерзли» социальное пространство, быт и бытие влияют на психологическое, оказывают воздействие на формирование нравственных ценностей, взглядов и стремлений героинь, на «внутренний ландшафт» их души.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. - М, 1975.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. - М., 1990.
3. Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. - М., 1988.
4. Садур Н. Чудная баба. Пьесы. - М., 1989.
5. Топоров В.М. Пространство и текст// Текст: семантика и структура. - М., 1983.

СЕКЦИЯ №11.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОИСКИ ШАРИФА КАМАЛА

Куракова Ч.М.

Казанский федеральный университет, г.Казань

В истории татарской литературы Ш. Камал известен прежде всего как мастер коротких рассказов-новелл. Подобно многим татарским писателям начала XX века, он пришел в литературу, накопив большой жизненный опыт и претворив в его свете отношение искусства к жизни. С первых же шагов его творчество отмечено жизненностью и народностью[2, с. 390].

Ш. Камал написал первый свой рассказ «Пробуждение» (1909), опубликованный в журнале «Шура» в Оренбурге когда работал учителем в родной деревне. В первых его произведениях лежит печать горестных настроений, порожденных мрачной атмосферой наступившей реакции после революции 1905-1907 гг. На передний план в них выступают драматические переживания простого человека, испытывающего муки несчастья и гнет среды. Многие герои Ш. Камала, часто преследуемые несчастной судьбой, пребывают в тисках печальных настроений или, в поисках выхода из этого положения, странствуют по чужбине и нередко становятся жертвами неотвратимых роковых причин. Так, в рассказе «Пробуждение» мельничный рабочий Муса в пьяном исступлении избивает свою жену Гафифу, что приводит ее к гибели. Испытывая тяжелые угрызения совести после пережитой трагедии, Муса лишается рассудка и попадает в дом умалишенных. В психологической подоснове такой трагедии лежит столкновение дикости с чувствами человечности. И Муса, и Гафифа – жертвы этого столкновения. Подобного типа психологические ситуации и конфликты как бы становятся сюжетослагающими. В рассказе «В вороньем гнезде» (1910) описывается тяжелая, беспросветная жизнь татарских шахтеров-сезонников. Среди этих духовно и физически огрубевших людей семья Усмана и Марьям отличается своей благопристойностью. Здешним обитателям ради забавы захотелось подшутить над этой благоприятной супружеской четой: про Марьям распространяется слух, что она занимается прелюбодеянием. Одним из рабочих злоумышленно выставляет себя ее любовником. И на этой почве возникает в мирной и доброй семье разлад, приведший вскоре к трагическому концу. В подобных психологических ситуациях подчеркивается именно столкновение нравственной одичалости с человечностью, в котором последняя становится жертвой. Однако во всех случаях одерживает верх гуманистическое начало, настраивающее нас на сострадание и сочувствие простому человеку, обреченному на несчастье. Причин, вызывающих страдания, много. В «Увявшем

цветке» (1910) среди глубокой ночи «терзает душу, до крови рвет сердце» молодой Камяр то, что ее выдали замуж за старого муллу, лишили молодости и девственной любви ради животного удовольствия противного ей существа. В рассказе «В метель» (1910) солдат Мустафа в зимнюю стужу торопится попасть скорее в родную деревню, что бы раскаться перед матерью за несправедливую обиду, которую он нанес ей по наущению покойного отца. Но Мустафа оказывается перед трагической явью.

В «Бродяге» (1910) Гали, в поисках счастья некогда покинувший родной очаг, зимним вечером возвращается домой. Оказывается, в его отсутствие мать умерла, а жена вышла замуж за другого. Так у Гали до основания разбита жизнь. Он стал человеком дна. Однако этот герой, несмотря на свою жалкую судьбу, не лишен благородных чувств человека, ищущего счастья.

Рассказ «Сельский учитель» (1910) наполнен чеховской грустной любовью к честному человеку, герою. Имя этого героя – «Он». Это представитель той трудовой, разночинной интеллигенции, которая всецело посвятила себя народному делу и за это вынуждена терпеть всяческие гонения со стороны невежественных блюстителей порядка. Настроения героя «Сельского учителя» ярко и выпукло отражают психологический облик демократического интеллигента, готового идти на любые лишения и страдания во имя просвещения родного народа. Через его судьбу писателю удалось изобразить конкретный образ социального зла, душившего честного человека.

При анализе содержания некоторых рассказов Ш. Камала невольно обращают на себя внимание судьбы героев – они все как бы обречены на несчастье. Первопричины этого находятся в разных плоскостях: они исходят или из непредугаданного морально-этического зла, или непосредственно из социальной несправедливости. В целом же главный источник зла, преследующий героев Ш. Камала, восходит к той атмосфере реакции, которая наступила в обществе после революции 1905-1907 гг.

Как было отмечено, в психологической глубине рассказов Ш. Камала происходят столкновения чувств человечности, гуманизма с явлениями зла и несправедливости, результаты которых роковым образом сказываются на драматической судьбе простого человека. Но его человечность неистребима, злу не подвластна. Первый же рассказ Ш. Камала «Пробуждение» заряжен её искрой. В рассказе «Отец» (1910) грузчик Курбангали рождение своего сына считает торжеством счастья. В то же время – это торжество идеала нравственной красоты и чистоты труженика.

В стилевом отношении проза Ш. Камала близка или родственна чеховской «прозе настроения» [5, с. 436]. Такой стиль соответствует изображению переживаний героя в связи с пейзажной поэтикой: в нём нет прямого, просто объектного описания природы. Пейзажная поэтика находится в тесной связи с внутренним миром, психологическим состоянием героя. Она превращается как бы в формообразующий элемент произведения. Скажем, в начале рассказа «В метель» перекликаются тревожный плач ребёнка и разбушевавшаяся метель, которые как бы предвещают и сопровождают взволнованные, напряженные переживания солдата Мустафы и в целом окрашивают психологический тон рассказа. А.П. Чехов называл свои некоторые рассказы «психологическим этюдом». Это понятие отчасти можно отнести и к рассказам Ш. Камала.

Особенно важное место в творчестве прозаика занимает повесть «Чайки» (1914), изображавшей с жизненной полнотой и народной задушевностью радость, печаль и чаяния близких писателю простых тружеников, неутомимых в поисках своего счастья на необъятных просторах русской земли. «Надо сказать, что до этой повести в татарской литературе хотя и были затронуты «рабочая» тема и образы рабочих людей, но не было ещё произведения, которое можно было бы в полном смысле назвать «рассказом из жизни рабочих», считать значительным произведением, в котором данная тема получила бы эстетическую целостность» [4, с. 174].

Среди героев первым бросается в глаза образ старика Шарафи. Это человек с большим трудовым, жизненным опытом, со смекалкой, добрым характером и крепким телосложением. Не зря Шарафи пользуется авторитетом среди рабочих. Это «свой человек» и наставник. Его трудолюбие – пример всем другим. В нём – мужицкая закалка. Обычными изобразительными средствами Ш. Камал мастерски рисует волевой характер этого героя, его доброе отношение к людям.

Один из интересных героев «Чаек» - это Гариф, который покинул своих состоятельных родителей, благополучный дом сельского муллы, не желая быть им подобным. Он решил испытать свою судьбу и счастье на чужбине вместе с простыми людьми. На самом деле его мечты, грезы о счастье в конечном счете упирались в суровую реальность. Идеальные герои Ш. Камала не могут противостоять приговору действительности.

Таким образом, большое место в творчестве Ш. Камала отводится образу простого человека. В отличие от тематики других татарских писателей, в его прозе отражается жизнь сезонных рабочих, «путешествующих» в погоне за счастьем в разные края: работники на мельнице в «Пробуждении» и «Отце» (1910), шахтеры «В вороньем гнезде» (1910), рыбаки Каспия в «Чайках» и др. Эти рассказы обогатили национальную прозу художественной новизной показа внутреннего мира «маленького» человека, изображением духовных контрастов.

Список литературы

1. Заһидуллина Д. Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы. –Казан: Татар.кит.нәшр.,2003.- 255 б.
2. История татарской литературы нового времени (XIX- начало XX вв.). – Казань: Фикер, 2003.- 472с.
3. Мәһдиев М. Әдәбият һәм чынбарлык: XX йөз башы татар әдәбияты тарихына яңа материаллар. - Казан: Тат.кит.нәшр.,1987. -303 б.
4. Нуруллин. И. XX йөз башы татар әдәбияты :Дәрәслек-кулланма.- Казан: Тат.кит.нәшр., 1982.- 268 б.
5. Татар әдәбияты тарихы. Алты томда. 3 том.- Казан, 1986.- 598 б.

СЕКЦИЯ №12.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)

ПРОБЛЕМА ЖАНРА В РОМАНЕ С. ДЕ СЕГЮР «ПРОДЕЛКИ СОФИ» (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Варламова Е.А.

Национальный исследовательский Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
г.Саратов

В этом году Франция отмечала юбилей со дня рождения своей любимой детской писательницы - графини де Сегюр, урожденной Софьи Федоровны Ростопчиной (именно так, *Comtesse de Ségur, née Rostopchine*, автор подписывала все свои произведения - романы и сказки для детей). «Графиня де Сегюр, 215 лет и ни одной (почти) морщинки» - публикацией под таким знаковым заголовком почтил память «русской аристократки, ставшей королевой французского детского романа», журнал «Ле Фигаро» (1). Ее творчество со времен основания детской серии издательского дома Ашетт (так называемой «Розовой библиотеки», большинство книг которой изначально и составляли сочинения графини), до сих пор остается одним из самых востребованных среди маленьких французов. «У французских детей не так много великих писателей, - отмечает в своей монографии «История детской литературы во Франции» Ф. Карадек; - графиня де Сегюр, несомненно, принадлежит к их числу» (2).

Однако в современной России имя С. де Сегюр практически неизвестно, а ее произведения только совсем недавно (в начале XXI века), начали появляться на нашем книжном рынке. В этой неизвестности, или скорее, в этом забвении в России в советские времена (уже сразу по выходе в свет во Франции на русский язык все-таки были переведены некоторые её произведения, но в большинстве частных библиотек образованных русских людей того времени эти книги если и были, то в их оригинальном варианте), конечно, были повинны и аристократическое происхождение самой графини и ее персонажей, и слишком назидательная пропаганда «христианских добродетелей», и, возможно, даже определенная «обида» отечества на зарубежную славу русской эмигрантки.

Следует отметить, что во Франции творчество графини де Сегюр вызывает живой интерес научного сообщества: изданы собрания ее сочинений, переписка, главы о ней в своих монографиях по детской французской литературе посвятили М. Сориано (Soriano M. Guide de la littérature enfantine. Flammarion, Paris, 1959 ; Soriano M. Guide de littérature pour la jeunesse. Flammarion, Paris, 1975), Ф. Карадек (Caradec F. Histoire de la littérature enfantine en France. Albin Michel, Paris, 1977), изданы монографии М. де Эдувиль (Hédouville, M. La comtesse de Ségur et les siens de. Editions du Conquistador, 1953); М.-Ф. Дорэ (Doray M.-F. Une étrange paroissienne, la comtesse de Ségur. Rivages, 1990), Ф. Маркуэн (Marcoïn F. La comtesse de Ségur ou Le Bonheur immobile. Artois presses université, DL 1999), О. Дюфур (Dufour H. La Comtesse de Ségur. J'ai lu, Paris, 2002) и др.; ее творчество периодически становится центральной темой конференций различного уровня (см., напр. Colloque international "La Comtesse de Ségur et les romancières de la Bibliothèque Rose", Rennes, 1999/ Actes du colloque, Université d'Artois, 2001.).

Что же касается научного осмысления творческого наследия французской детской писательницы в нашей стране, то, разумеется, в контексте сложившейся ситуации с переводами и изданием ее книг, оно представляло собой и представляет по сей день огромную лагуну. Таким образом, актуальность исследования творческого наследия С. де Сегюр определяется не только его значимостью в истории французской детской литературы, но и практическим отсутствием трудов по этой теме в российской науке, на родине писательницы.

Графиня де Сегюр является автором более двадцати романов для детей и сборника «Новых волшебных сказок», написанных ею 1856 по 1871 год.

Пожалуй, самым известным произведением госпожи де Сегюр стала ее книга «Проделки Софи» (“Les malheurs de Sophie”, 1864), которая наряду с «Примерными девочками» (“Les petites filles modèles”, 1857) и «Каникулами» (“Les Vacances”, 1859) вошла в трилогию о маленькой непоседе Софи. Этот том, появившись значительно позже двух других, в смысловом отношении является первым в трилогии (прежде всего, судя по возрасту персонажей: в «Проделках Софи» главной героине исполняется 4 года, в «Примерных девочках» Софи уже гораздо старше, действие в «Каникулах» происходит по истечении еще нескольких лет.)

Все три романа имеют ярко выраженный нравоучительный характер. Автор преследует вполне конкретную цель - проанализировать знаковые поступки (а чаще всего – проступки) ребенка с желанием воспитать лучшие качества в своих юных читателях. «Она была вспыльчива, а стала спокойной; она была чрезмерна в еде, а стала сдержана; она была лжива, а стала искренна; она была воришкой, а стала честна; наконец, она была злой, а стала доброй... Сделайте также, как она, мои дорогие дети! У вас это легко получится, ведь вы не обладаете всеми теми недостатками, какие были у Софи»(3), - пишет графиня, посвящая роман внучке Элизабет Френо.

Метаморфозы, произошедшие с Софи, должны убедить читателей в том, «что такое хорошо и что такое плохо», поэтому писательница стремится быть максимально *правдоподобной* в своем повествовании. «Вот достоверные истории о маленькой девочке, которую бабушка хорошо знала в детстве» (4), - представляет автор свою книгу. Создать иллюзию «невыдуманности» событий и персонажей С. де Сегюр помогает умелое смешение разных жанровых регистров, и прежде всего, эпического и драматического. Так возникает особая жанровая структура романов трилогии (характерная для романного творчества писательницы в целом), внешне гораздо более напоминающих драму, нежели собственно эпическое произведение. «В век романа графиня де Сегюр создает новый жанр: детский роман, или, скорее, рассказ на пересечении романа и драмы, - замечает по этому поводу Ф. Карадек (5). На жанровые особенности «Проделок Софи» следовало бы обратить особое внимание.

«Проделки Софии» - наиболее яркий роман трилогии - представляет собой собрание коротких глав-сцен, день за днем описывающих жизнь маленькой девочки и ее поведение в разных ситуациях. Каждая глава, как и акт пьесы, имеет свою экспозицию, развитие действия, кульминацию и развязку, неизбежно заключающую в себе мораль. Текст глав представляет собой почти сплошной диалог персонажей, лишь изредка прерываемый коротким повествованием от третьего лица. Причем, реплики персонажей оформлены так, как это принято в драматическом произведении – без использования косвенной речи, располагаясь под именем действующего лица. Диалог, как и в драме, многофункционален. Подавляя привычную в детской литературе формулу «вопрос/ответ - ребенок/взрослый - ученик/учитель», диалог у Сегюр становится средством постановки действия, двигателем конфликта и сюжетной линии, инструментом раскрытия характеров. Приобретая сценический размах, он значительно доминирует над речью повествователя. Авторская же речь выполняет роль как бы театральных дидактических и содержит, как правило, беспристрастный и очень краткий комментарий относительно героев и ситуации перед началом, по ходу или в конце действия. Таким образом, весь текст романа оказывается разбит на небольшие главы-«сценки», представляющие какое-либо одно событие или явление (например, главы о восковой кукле, о подстриженных ресницах, о рыбках, о волках и т.п.(4)). Так достигается главное из условий драматического произведения – единство действия, «интереса». Присутствие двух других драматических единств – места и времени – тоже отчетливо усматриваются в структуре романа. Действие в «Проделках Софи» неизменно происходит в замке госпожи де Реан, матери Софи, перемещаясь лишь из комнат дома в сад, или в конюшню, или в дом молочницы неподалеку, или в соседний лес. Единство же времени соблюдается в рамках каждой главы и ограничивается, как правило, одним днем.

Сильное драматическое начало не затмевает широкий эпический план ни отдельно взятого романа, ни тем более трилогии в целом, методически последовательно и всесторонне анализирующей интересы и поведение детей трех возрастов – раннего («Проделки Софии»), дошкольного и младшего школьного («Примерные девочки») и отроческого («Каникулы»).

Драматическая же форма повествования необходима С. де Сегюр не только как способ максимально облегчить восприятие текста детьми, но во многом обусловлена ее стремлением, скрывшись за театральной ширмой, придать событиям и характерам большую реалистичность, убедительность в глазах юных читателей, заставляя их самих удостовериться в неотвратимости предлагаемого финала в каждом отдельном случае, и, в итоге, поверить в неизбежность преобразования Софи.

Примечания:

1. Morin V. La Comtesse de Ségur, 215 ans et (presque) pas une ride// Le Figaro.fr, 01.08.2014.
2. Caradec F. Histoire de la littérature enfantine en France. Albin Michel, Paris, 1977. С. 153.
3. Comtesse de Ségur. Les Malheurs de Sophie. Hachette Livre. Paris, 2006. С. 4.

4. Там же.
5. Caradec F. Histoire de la littérature enfantine en France. Albin Michel, Paris, 1977. С.153.

**СЕКЦИЯ №13.
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)**

**СЕКЦИЯ №14.
ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09)**

**СЕКЦИЯ №15.
ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00)

**СЕКЦИЯ №16.
РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01)**

**ОДНА ИЗ ХАРАКТЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ
МИРА А. ПЛАТОНОВА**

Смирнова В.Г.

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина, г.Москва

Понятие «норма» в современной лингвистике является одним из фундаментальных. Российские ученые в своём осмыслении категории нормы развивают идеи В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева, Э. Косериу, исходя из того, что языковая норма – это совокупность языковых средств и правил их употребления, принятая в данном обществе в данную эпоху.

В русскую лексикографическую практику понятие нормы было введено Яковом Карловичем Гротом (1812-1893). Как известно, в 80-е годы 19 века Я.К.Грот возглавил работу по составлению «Словаря русского языка», одной из характерных особенностей которого является наличие примечаний к некоторым словам, поясняющих их значение, характер употребления, происхождение и пр. Наличие этих примечаний, включенных в словарную статью, уникально для русской лексикографии XVIII – XX веков [1]. Таким образом, словарь Грота был первым нормативным словарём, отразившим, по утверждению Грота, «общеупотребительный в России литературный язык в том виде, как он образовался со времен Ломоносова». Собственно «Словарь русского языка» под редакцией Грота формировал представление о норме в языке.

В современной лингвистике понимание нормы неразрывно связано с понятием литературного языка, который иначе называют нормированным или кодифицированным. В отечественной русистике широкое признание получила точка зрения С.И. Ожегова, согласно которой «норма — это совокупность наиболее пригодных ("правильных", "предпочитаемых") для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов». Литературная норма отличается рядом свойств: она едина и общеобязательна для всех говорящих на данном языке; она консервативна и направлена на сохранение средств и правил их использования, накопленных в данном обществе предшествующими поколениями. Единство и общеобязательность нормы проявляются в том, что представители разных социальных слоев и групп, составляющих данное общество, обязаны придерживаться традиционных способов языкового выражения, а также тех правил и предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях и являются

результатом кодификации. Отклонение от языковой традиции, от словарных и грамматических правил и рекомендаций считается нарушением нормы и обычно оценивается отрицательно носителями данного литературного языка. Однако в литературной практике есть случаи, когда отклонения от норм литературного языка следует признать способом моделирования особой художественной картины мира. При этом языковая норма, прочно укоренившаяся в сознании носителя языка, обеспечивает возможность понимания заложенных смыслов, выражение которых, нарушая норму, в то же время опирается на неё.

Филологам, любителям литературы хорошо известна непростая судьба писателя Андрея Платонова, язык которого по-разному оценивался как при жизни писателя, так и в последующие годы. Как нам представляется, это как раз тот случай, когда язык писателя, с одной стороны, исходя из существующих языковых норм, необычен и даже неправилен, а с другой стороны, в своей неправильности ориентирован на возможности и ресурсы общелитературного языка. Объектом нашего исследования явились те «приращения смысла», которые возникают на стыке слов и формируются на основе грамматической связи. Взаимодействие значений направляется при этом семантическим содержанием синтаксической связи между компонентами словосочетания. В работах Н.Ю. Шведовой [3, 34-35] было отмечено наличие системных связей у глаголов тех или иных – иногда очень широких, иногда узких – семантических групп с падежной или предложно-падежной группой. Причем Н.Ю. Шведова разграничивала системно существующие в языке словосочетания и соединения, которые могут возникать в определенных речевых условиях. Например, для предложно-падежной группы *в городе, в селе, в деревне, на станции* и т.п. системна связь с довольно ограниченной группой глаголов: *жить, находиться, работать, учиться, встречаться* и др., тогда как связь с глаголами речи для этих групп несистемна: *рассказать в городе* – мнимая связь. Установление мнимой связи воспринимается носителями языка в речевой практике как нарушение сочетаемости, т.е. как речевая ошибка. Однако в художественной речи подобное нарушение скорее выражение особых связей, осознаваемых в авторской языковой картине мира как стилистически отмеченная черта. Для определения содержания подобных связей необходимо, как нам представляется, обращение к системно существующим в языке словосочетаниям. Так формируется стилистический ряд, члены которого объединяются в силу сопоставления и формального отождествления на основании общности синтаксической конструкции. Итак, ослабление грамматической связи расширяет семантические возможности слова в плане сочетаемости, но не безгранично, поскольку в языке существуют определенные системные связи. Несоблюдение системных связей никак не сказывается на значении компонентов словосочетания, но осознается как нарушение сочетаемости. Что касается содержания связи, то оно в новых словосочетаниях устанавливается по аналогии с уже существующими. В результате образуются ряды словосочетаний, в которых к системно существующим в языке сочетаниям подстраиваются словосочетания, образованные на основании мнимой связи. Стилистические приращения смысла возникают при этом именно в силу соположенности членов ряда, поэтому есть основание такие ряды словосочетаний называть стилистическими, а словосочетания, образованные по аналогии, – стилистически отмеченными.

Поясним понятие стилистического ряда на материале языка Платонова. Обратим внимание на частотность употребления Платоновым формы «в + сущ. в П. п.», которая обычно в русском литературном языке употребляется в локальном значении с определенными глаголами: *быть, находиться, учиться, гулять и др. - где?* Однако у А. Платонова обращает внимание расширение зоны употребления данной конструкции, которая может присоединяться к глаголу практически любой семантики, означая локализацию как помещение действия/состояния в определенную среду. По большей части Платонову свойственно не плоскостное, а объёмное, пространственное изображение: локальное определение, по Платонову, – это именно помещение в среду. Соответственно существительные в этой конструкции обычно принадлежат к семантической группе существительных, имеющих значение «окружающая среда» или «то, что имеет отношение к окружающей среде в наивном языковом сознании»: *воздух, сумрак, пурга, непогода, ураган, тепло, ночь, жара, темнота* и т.п. Приведем примеры: *бежать в свободном воздухе, бежать в сумраке...тучи, быть в поездке в пурге и на морозе, дрожать в сумраке и потоке пустого воздуха, дышать в гуще ливня, звучать в пустоте комнаты, исчезнуть в сумраке бури, находиться в шуме ржи и в тишине...вечера, находиться неизвестно где в сером пространстве, наступать (о тишине) в воздухе и на земле, оглядеться в сумраке бури, озябнуть в сумраке, осмотреться в непогоде, остаться в урагане, перенести зиму в тепле, погибнуть в урагане, пройти (о паровозе) в пустой ночи осенних полей, раздаваться (о звуках) в воздухе, в сумраке, склониться (о колосьях) в жаре, сотлеть в огне, ходить в поле, в темноте* и др.

На неслучайность подобных оборотов указывают многочисленные в прозе А. Платонова словосочетания пространственной семантики, ориентирующие на объёмное восприятие мира. Среди них особенно распространены конструкции с такими предложно-падежными группами, как: «в + сущ. в В.п.», «из + сущ. в Р.п.», «среди + сущ. в Р.п.»: Обратимся иллюстративному к материалу.

Глагол + «в + сущ. в В.п.»: *поднялся ветер на дороге и понес душную пыль в пустые места; а ниже его (неба) неподвижно висели серые облака, опустившие из себя длинные волосы ливня, сдуваемые ветром в пустую сторону; паровоз с воем пробивался вперед, в смутный, душный мрак; далее мы вошли в ливень, но скоро миновали его и выехали в утихшую, темную степь; она попрощалась с Дуней и пошла в сумрак; «Были бы живы, - прошептала мать в землю своим мертвым сыновьям; дом...сейчас лежал, раскрошенный в щебень и мусор, выдуваемый ветром в пространство; изошла в дым обмотка и выкипела в ничто вся медь и др.*

Глагол + «из +сущ. в Р.п.»: *Люба неслышно появилась из тьмы перед Никитой; из тьмы неба теперь проливался сплошной поток воды; светлые глаза его, глядящие из большой младенческой головы; по врагу из мрака моря стреляли через город пушки; этот старик сумел своим усердием исхлопотать из местной отоцалой почвы столь тучный урожай; в тот час из середины ветра и снега появился... воробей; он вынул воробья из теплоты под своею рубашкой; он сытно кормился из окружающего воздуха и др.*

Глагол + «среди +сущ. в Р.п.»: *она всегда молчала и постоянно заботилась среди животных; он ходил среди природы по губернии; «Вон что, – произнес среди своего молчания кузнец; они жили среди родной земли; там, в деревнях и городах, в хижинах, среди пшеницы и виноградников, спал сейчас, уставший за день народ; Афоня задумался среди трав и цветов; Афродита исчезла в начале войны среди народа; среди сна и ночи воробей заметил и др.*

Менее распространены конструкции с другими предложениями пространственной семантики: *недалеко от линии фронта внутри уцелевшего вокзала...храпели красноармейцы; внутри земли гудели голоса; а воробей всё ещё шевелился внутри снега; разошлись по квартире, по двору, по всей ночи вокруг дома; рождь медленно шумела около тихо бредущих по дороге детей и др.*

А Платонов допускает и объединение существительных несоотносимой семантики в ряды однородных членов, чем задаёт единообразие их осмысления, поскольку влияние синтаксической аналогии чрезвычайно велико. Так возникают странные платоновские выражения, наполненные особым смыслом: *ходить в поле, в темноте; заметить среди сна и ночи; разойтись по квартире, по двору и по ночи.* При этом установление «мнимых связей» обнаруживает возможность моделирования иной, по сравнению с привычной, реализованной в литературном русском языке, языковой картины действительности. Таким образом, разрушая привычные языковые представления о возможной сочетаемости слов, А. Платонов создает свой художественный мир, поражающий своеобразием языкового выражения.

Список литературы

1. Виноградов Д.В. Об одной особенности «Словаря русского языка под редакцией Я.К.Грота. ÷ Тезисы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения академика Якова Карловича Грота. / Российская академия наук. Институт лингвистических исследований ÷ СПб.: ÷ Нестор-История, 2012. ÷ 66 с.
2. Платонов А.П. Собрание сочинений в 8 томах. ÷ М.: Время.
3. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. – М.: Просвещение, 1966. – 155.

ОЦЕНОЧНАЯ НОМИНАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ НРАВСТВЕННОГО МИРА РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ЯКУТИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ)

Горбунова Я.Я.

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г.Архангельск

Через язык человек познает окружающий мир, язык влияет на мышление и сознание. Каждый язык имеет собственную картину мира. В современных гуманитарных исследованиях не последнее место занимает языковая картина мира, зафиксированная фразеологизмами, потому что во фразеологизмах «отражены вся жизнь и деятельность русского старожильческого населения, его история, культура, быт, нравы, обычаи, миропонимание» [2; 3]. По мнению лингвиста Е.А. Добрыдневой, «фразеологические единицы как знаки вторичной номинации «покрывают» самые разнообразные сферы языковой картины мира» [1; 54]. Они могут «сигнализировать о ценностном отношении говорящего к познаваемому миру, о его эмоциональном состоянии и производить необходимый для реализации коммуникативного замысла прагматический эффект» [1; 96]. Лингвист В.А. Маслова отметила в своем учебном пособии «Лингвокультурология»: «Фразеологизмы играют особую роль в создании языковой картины мира. Они – «зеркало жизни нации». Природа значения ФЕ тесно связана с

фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. <...> Своей семантикой ФЕ направлены на характеристику человека и его деятельности» [3; 67-68]. Фразеологизмы служат ключом к изучению эмотивной оценки. В нашей работе мы выделим наиболее доминантную семантику фразеологизмов русских старожилов Якутии, что позволит выявить нравственный аспект языковой картины мира.

Русские старожилы, оказавшись на Крайнем Севере, тесно общались с коренными народами Сибири, но при этом не утратили свой язык и культуру. Они заселяли Якутию почти четыре века. И к 20 веку сложилось постоянное русское население, которое современные исследователи называют «старожильческим». Методом сплошной выборки мы выписали фразеологизмы из сборника М.Ф. Дружининой «Фразеологизмы в старожильческих русских говорах на территории Якутии», которые содержали в себе эмотивную оценку. В старожильческих говорах выделяются следующие семантические доминанты нравственного аспекта: «трудолюбивый» (70 ФЕ)/ «нетрудолюбивый» (37 ФЕ), «грубый, злой» (104 ФЕ)/ «добродушный» (31 ФЕ), «умный» (36 ФЕ), «самостоятельный» (33 ФЕ), «высокомерный» (22 ФЕ), «многословный» (26 ФЕ). Отметим, что в старожильческих говорах преобладают отрицательные ФЕ, так как из 915 выписанных фразеологизмов 104 связаны со значением «грубый, злой»: «Злой да злой (о человеке). Очень недобродушный. – В здоровые-то годы хороший охотник он был, на медведя промышлял. Теперь старик стал да ишо не видий, тёмный. Злой да злой стал, бедный. (Лен.Вит.). Тангусы хорошо стреляют, оне же охотой и живут, но онезлые да злые. Опасные оне. (Лен. Пел. Вит.)» [2; 118]. Данная доминанта обладает сильной экспрессивностью, эмоциональностью, поэтому является частотной, в отличие от ее противопоставления – «добродушный»: «Душа на зараспашку у кого. О простом, без хитростей человеке. – Отцу нашему для детей своих ничего не жалко, он все им отдает. У него душа на зараспашку. Он хороший человек, с большой душой, а вот дети неодинаковы. (Лен.В.-Нюя.)» [2; 100]. Видимо, положительная оценка чаще воспринимается в качестве нормы, а отрицательная – как отклонение от нормы. Поэтому фразеологизмов, отрицательно оценивающих качества человека, больше. Обилие бранных слов, слов со значениями «бить», «кричать», «задумать плохое», дающих отрицательную характеристику человека, достаточно много в разговорной речи старожилов. Это значит, что ценностными установками старожилов являются следующие: избегать насилия, не повышать голос на собеседника, не желать ничего плохого ближнему. Пример: «Вреда давать кому. Умышленно создавать неудобство, вредить кому-либо. – Досель наши промышляли на ленных гусей, артельно это делали. Тихо да мирно охотились, вреда никому не давал. (РУ. Чок.). Вреда делать кому-то, плохо думать о других, желать недоброе – это грешно, не дай бог. (Н.-Колым.Чер.)» [2; 56-57].

Также отрицательным является значение «нетрудолюбивый» или «ленивый»: «Делать из рук вон плохо. – Какой он плотник? Он же все делает из рук вон плохо. (РУ. Н.-Колым.)» [2; 89]. «Скласть ручки. Ничего не делать, бездельничать. – На всё своё время – рыбачить да, промышлять да. Вот их брат – от ручки склал, а попивать хочет. (Н.-Кол.Колым. Пох.). А он давно склал ручки, отказался от договору работать с нашей бригадой. (Н.-Кол.Чер.). Раздумал пояхать к пастям и ручки склал теперь. (Колым.Пет.)» [2; 223]. Жизнь старожилов на севере предполагает тяжелую работу, каждый должен брать на себя ответственность за какое-либо дело. В тундре одни охотились, ставили капканы, добывали пропитание для семьи. Другие занимались рыболовством, которое давало полноценное и полезное питание, помогало выжить в суровом северном крае. Труд для старожилов Якутии, является и необходимостью, и потребностью. Именно в труде человек познаётся. Поэтому выражения, характеризующие ленивого человека в речи старожилов, приобрели много отрицательных коннотаций.

К положительным фразеологическим единицам относится семантическая доминанта «трудолюбивый»: «Горб ломать (гнуть). Изнурять себя тяжелой. – Тяжёлая у нас жизнь, холод и голод нас покидал. Я всю дорогу всё сам делал, сам строил чё надо, горб ломал, семью имел, детей воспитывал. (Пол. Ожог. Чок.). Рыбачили, задание выполняли, даже перевыполняли. Тяжело было, горб гнули крепко. (Н.-Колым.Ерм.)» [2; 78]. Значение «самостоятельный» часто используется с доминантой «трудолюбивый»: «Делать со своей головы. Делать что-либо самостоятельно, без помощи со стороны. – Мы грамоте не учились, сами себе жили, сами себе делали, все делали сами со своей головы. (Стан.Кузьм. РУ.). Нас нёхто не учил, все сами со своей головы делали. (РУ. Осен.)» [2; 89]. Концептуализируется ценность качеств «самостоятельность», «умение принимать решение». Русские старожилы Якутии трепетно относятся к труду, поэтому фразеологизмы с данной чертой характера человека являются частотными. Как видим, концепт ТРУД, объективированный фразеологизмами в речи старожилов Якутии, имеет много общего с общерусской объективацией. Так, одним из образов образной составляющей концепта в русской языковой картине мира являются «горб», «спина», «руки». Лексема «горб» часто встречается и в составе фразеологизмов в речи старожилов Якутии. Голова – символ интеллектуальной деятельности человека. Делать со своей головы – это делать, не спрашивая совета, делать самостоятельно и отвечать за сделанное самому. Здесь голова становится и символом независимости от других.

Немаловажны антонимические фразеологизмы «умный»/ «глупый»: «Ротом глядеть. 1. О глупом, глуповатом человеке. – У них малый-то глуповат, так и глядит ротом (Абый.Б. Гор.). Жана была красавица у него, чистоплотка, а вот ротом глядела (У.-Май.Эльд.). А муж-то у ей какой-то скоропостижной, в детстве он головой болел. Он вроде ненормальной, глядит ротом (У.-Май.Пет.). Девка шепетка и туша хороша, а вот ротом глядит. Когда говорит, глядит и широко глаза открывает и рот тоже. Ротом глядит, говорят (Алд.Том.). 2. Когда человека клонит ко сну, человека одолевает зевота. – Однако, он не выспался, бедненький, потому-то и дело ротом глядит (Алд. Н.Кур.)» [2; 210-211]. «Быть с головой. Быть умным, рассудительным. – На Севере трудно жить, климат суровой, местность шибко большая. Тут человеку надо быть с головой, местность хорошо знать, в темную погоду, когда пурга ориентир надо знать. Так что хорошая голова нужна (РУ. Кос. Чок. Осен.). Жить ведь уметь надо, быть с головой (Лен.Вит.). Молодые-то наши о завтрашнем дне не думают. Надо о будущем думать, всегда с головой быть (Олек.Мач.). Он с головой, с умом, лишнее не скажет (КР. Лен.Хам.)» [2; 38]. Открытый рот – стереотипное представление о глуповатом человеке, чего-то не понимающем.

Таким образом, фразеологизмы русских старожилов Якутии с положительной и отрицательной коннотациями отражают нравственный мир языковой картины мира старожилов. Они запечатлели ценностные установки, оценки, идеи, специфические образы.

Список литературы

1. Добрыднева, Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии: Монография / Е. А. Добрыднева. Волгоград: Перемена, 2000. – 224 с.
2. Дружинина М.Ф. Фразеологизмы в старожиловских русских говорах на территории Якутии: материалы для фразеологического словаря русских говоров / М.Ф. Дружинина; [науч. ред. Н.Г.Самсонов]. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 280 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.

ОЦЕНОЧНЫЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ ТЕКСТА ДРУЖЕСКОГО ПИСЬМА (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КОНЦА XIX - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА)

Белунова Н.И.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПБГЭУ), г. Санкт-Петербург

Актуальность исследования текста дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX - первой четверти XX века обусловлена прежде всего уникальностью языкового материала писем, их несомненным интересом для современной науки и культуры. Творческая интеллигенция серебряного века являлась носителем высокой, элитарной речевой культуры, которая, как отмечает Т.В. Кочеткова, имеет ведущее значение в национальной культуре и без которой невозможно создание в будущем концепции современной культуры речи (Кочеткова, 199).

Дружеская переписка выдающихся деятелей прошлого являлась не только средством личного общения и была интересна лишь автору и адресату, но и становилась своеобразной формой ознакомления с научной, культурной, общественной жизнью соответствующей эпохи. Необходимо подчеркнуть особое значение дружеских писем творческой интеллигенции конца XIX - первой четверти XX века как письменного речевого жанра, отражающего состояние языка данной эпохи, особенности его функционирования.

Доминантной категорией текста дружеского письма является категория диалогизации (Белунова, 2011). Весьма характерной категорией текста дружеского письма является также категория модальности. При этом мы разделяем позицию исследователей, определяющих категории текста как понятия, отражающие его наиболее общие и существенные признаки и представляющие собой ступеньки в познании его онтологических, гносеологических и структурных признаков (Гальперин, 1981).

Вопрос о модальности является одним из сложных и проблемных вопросов в науке о языке (см., например, об этом: Гальперин, 1981; Виноградов, 1985; Грамматика..., 1970; Гальперин, 1980; Солганик, 1984 и др.). Мы также разделяем точку зрения исследователей, которые различают объективно-модальное значение и субъективно-модальное значение (Гальперин, 1981; С; Гальперин, 1980; Солганик, 1984 и др.). Так, Н.Ю. Шведова

отмечает: «Если объективно-модальное значение выражает характер отношения сообщаемого к действительности, то субъективно-модальное значение выражает отношение говорящего к высказыванию» (Грамматика..., 1970;). Говоря о модальности как категории текста дружеского письма, мы имеем в виду субъективную модальность. При этом вслед за И.Р. Гальпериным мы различаем фразовую и текстовую субъективно-оценочную модальность. «Если фразовая модальность выражается грамматическими или лексическими средствами, то текстовая модальность, кроме этих средств, применяемых особым способом, реализуется в характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств...» (Гальперин, 1981, с. 121).

И.Р. Гальперин отмечает, что модальность как текстовая категория присутствует далеко не во всех типах текста и что прежде всего она характерна для художественных текстов (Гальперин, 1981). С нашей точки зрения, модальность как категория текста занимает весьма существенное место в дружеском письме, поскольку дружеское письмо представляет собой неофициальное, личностно-ориентированное средство общения и характеризуется эксплицитной антропоцентричностью (Белунова, Савченко, 2013). В дружеском письме, характерными особенностями которого являются политематичность, полифункциональность (Белунова, 2011) существенная роль принадлежит экспрессивно-эмоционально-оценочной функции (функции самовыражения, функции выражения чувств и эмоций, функции оценки, что также связано с категорией модальности текста). Представляется, что категория модальности в различных типах текста имеет свою специфику проявления и свои лингвистические средства её реализации, что обусловлено прежде всего особенностями соответствующего типа текста и жанра; то есть в различных формах речи и сферах общения природа категории модальности лингвистически неоднородна. В дружеском письме как типе текста категория модальности, как мы уже отмечали, сопряжена с эмоционально-экспрессивно-оценочной функцией и может быть реализована различными лингвистическими средствами: экспрессивно-синтаксическими конструкциями (синтаксический параллелизм, лексико-синтаксические повторы, инверсия, парцелляция, риторические вопросы и др.), оценочной и эмоционально-оценочной лексикой и некоторыми другими средствами языка. Категория модальности в дружеском письме сопряжена также с содержательно-концептуальной информацией (Белунова, 2011).

В данном случае в качестве средств, реализующих категорию модальности, рассмотрим лишь оценочные и эмоционально-оценочные высказывания. Вопрос о типах коннотаций, их соотношении в лингвистической литературе является одним из дискуссионных и не имеет однозначного решения. Мы разделяем точку зрения исследователей, которые, во-первых, считают, что далеко не каждое высказывание обладает субъективно-модальным значением и что коннотации являются добавочным, дополнительным значением слова, которое накладывается на его основное значение; во-вторых, разграничивают такие типы коннотаций, как экспрессивность, эмоциональность, оценочность, образность.

Так, убедительным представляется разграничение эмоциональности и оценочности. В.К. Харченко отмечает: «Под оценочностью понимается заложенная в слове положительная или отрицательная характеристика человека, предмета, явления» (Харченко, 1976, с. 66) и подчеркивает, что наличие плюса или минуса в значении слова – важнейший показатель оценки, что оценочность – категория функциональная, которая меньше всего является сознанием и тем отличается от эмоций и экспрессии (Харченко, 1976).

Рассматривая оценочные и эмоционально-оценочные высказывания, реализующие категорию модальности, мы различаем *адресатные эмоционально-оценочные высказывания* и *адресантные эмоционально-оценочные высказывания*.

К оценочным и эмоционально-оценочным адресатным («Ты - сфера») высказываниям мы относим: 1) высказывания, выражающие отношение (следовательно, оценку), а также чувства адресанта к адресату; 2) высказывания, представляющие собой признание адресату в любви, дружбе, привязанности и т.п. Хотя данные высказывания выражают, прежде всего, чувства и отношения адресанта (пишущего), но в то же время это чувства, направленные на адресата, что позволяет рассматривать их, как нам представляется, в качестве адресатных; 3) высказывания, включающие элементы метатекста и представляющие собой оценку речи адресата. В первой группе высказываний выделяются главным образом следующие семантические разновидности: оценка личностных, внутренних качеств адресата (1); оценка творчества адресата (конкретных произведений) (2); обобщающая оценка адресата (3). Например:

1. «Ты *высокая, страстная, мудрая, чудесная женщина*. Именно – *чудесная*» (А.Н. Толстой – Н.В. Крандиевской. №154, с. 240);

2. «Дорогой Колюша, Вы – автор двух превосходных сонат, из которых первую я почти умею, а вторую *восхищаюсь* да ругаю тупого Борюсю, который её не выучил и, по-видимому, весьма недопонял. Она,

положительно, *превосходна*, хотя *немилосердно трудна*, благодаря хроматически-контрапунктическому построению» (С.С. Прокофьев – Н.Я. Мясковскому. № 139, с. 136);

3. *«Ты в русском искусстве музыки первый, как в искусстве слова первый – Толстой. Это говорит тебе не льстец, а искренно любящий тебя русский человек, - для которого ты – символ русской мощи и таланта. Когда я смотрю на тебя – я молюсь благодарно какому-то русскому богу: спасибо, боже, хорошо ты показал в лице Федора, на что способна битая, мученая, горестная наша земля! Спасибо, - знаю, есть в ней сила! И какая красавица – сила! Так думаю и чувствую не один я, поверь. Может быть, ты скажешь: а все-таки – трудно мне! Всем крупным людям трудно на Руси. Это чувствовал и Пушкин, это переживали десятки наших лучших людей, в ряду которых и твое место – законно, потому что в русском искусстве Шаляпин – эпоха, как Пушкин»* (А.М. Горький – Ф.И. Шаляпину. № 35, с. 349).

Так, оценка внутренних качеств адресата (1) выражена при помощи прилагательных, являющихся элементами сказуемых: «высокая», «мудрая», «чудесная» (А.Н. Толстой – Н.В. Крандиевской).

В фрагменте письма С.С. Прокофьева отношение к музыкальным произведениям адресата выражено лексическими средствами: «превосходных», «восхищаюсь», «немилосердно трудна». Фрагмент письма А.М. Горького – Ф.И. Шаляпину представляет собой высокую оценку личности и творчества адресата.

Перейдем к рассмотрению адресатных оценочных высказываний, включающих элементы метатекста и связанных с метаязыковой функцией языка, характерной для жанра дружеского письма творческой интеллигенции. Как известно, элементы метатекста выполняют различные функции: мотивируют связи между различными фрагментами текста, служат сигналами выделения новой темы (микротемы) или возвращения к прежней, являются показателями важности сообщаемой информации или значимости воспринимаемой оценки, являются средством активизации партнера, создают определенную тональность общения (см., напр., об этом: Николина, 1989; Сотникова, 1991; Вежицка, 1996 и др.). В данном случае для нас представляют интерес метатекстовые элементы, различающиеся по характеру адресованности. Так, с одной стороны выделяются метаязыковые элементы, представляющие собой комментирование пишущим свои высказываний, своего текста. Такие метатекстовые высказывания рассматриваются нами в качестве адресатных. С другой стороны, выделяются адресатные метаязыковые высказывания, представляющие собой оценку речи адресата. Именно последние рассматриваются нами в данном случае как адресатно-оценочные высказывания. Приведем примеры адресатных эмоционально-оценочных высказываний с элементами метатекста: «Но в Вас (это – не комплимент и не лезть) я вижу незаурядную личность. Некоторые из ваших писем – доказательство несомненное этому. Они – художественны с формально-эстетической точки зрения. И я нахожу радость в беседах с Вами и письмах Ваших как эстет» (В.В. Виноградов – Н.М. Малышевой. 15 или 19 ноября, 1925. Ленинград); «Твои письма неизведанно прекрасны, они мне праздник и свет» (А. Блок – Л.Д. Менделеевой. 15 ноября, 1902. Петербург). Таким образом, адресатные оценочные и эмоционально-оценочные высказывания являются одним из эксплицитных источников проявления субъективной модальности и антропоцентричности в тексте дружеского письма.

В тексте дружеского письма наряду с адресатными («ТЫ - сфера») оценочными и эмоционально-оценочными высказываниями существенное место занимают адресантные («Я - сфера») высказывания, представляющие собой самооценку адресанта и выражающие внутренне состояние адресанта. При этом к оценочным и эмоционально-оценочным адресантным высказываниям мы относим: 1) высказывания, выражающие внутренне состояние, чувства адресанта; 2) высказывания, представляющие собой самооценку адресанта; 3) метатекстовые высказывания, представляющие собой оценку адресантом своей речи. Для первой группы характерны оценочные и эмоционально-оценочные высказывания, поскольку, выражая внутренне состояние, чувства адресанта они обычно выражают и оценку состояния адресанта.

Например:

1. «Мой милый Алеша, я счастлив, как ребенок, - я ещё не знаю хорошо, точно, что случилось, но чувствую, что случилось с представлением Мусоргского в Париже что-то *крупное, большое*» (Ф.И. Шаляпин – А.М. Горькому. № 19, с. 330);

2. «Я хочу повторить Вам то, что говорил: я не могу сказать, что мое прошлое умерло. Прошлое живет, и оно – не только прошлое, в нем – живое. В понимаете, о чем я говорю. Здесь у меня в душе иногда *больно*, иногда *печально и светло*; Всякое бывает, я только напоминаю Вам о себе, не стоит говорить подробно. Короче, это – вовсе по-другому, *нет ни противоречий, ни путаницы, точно то – другой я.*» (А. Блок – Л.А. Дельмас. № 173, с. 243)

Во второй группе высказываний, представляющих собой самооценку адресанта, выделяются главным образом следующие разновидности: оценка адресантом своих конкретных литературных, музыкальных

произведений, спектаклей и т.п. (1), оценка своего творческого и жизненного пути в целом, своего назначения (2), а также оценка адресантом некоторых черт своего характера, привычек и т.п. (3)

Например:

1. *«Какая это удивительная вещь («Хованщина». – Н.Б.) и какой был у нас в театре праздник. Я видел, как не один десяток участвующих на сцене – плакали, а я, я и до сих пор не могу ещё равнодушно петь эту оперу»* (Ф.И. Шаляпин – А.М. Горькому. № 29, с. 342);

2. *«Все мучение, и ревность, и тяжесть в том, что мне, может быть, суждено только находить, а потом я, как рыбак, не умею ничего сделать с тем, что нашел, и могу потерять в том самом море, где она (жемчужная раковина – Н.Б.) мне засияла, и море станет опять пустым и темным, а я останусь таким же нищим, как был. Главное, что в этом (чего я боюсь всегда) есть доля призвания; и доля правды, значит; доля моего назначения, потому что искусство там, где ущерб, потеря, страдание, холод.*

Эта мысль стережет В С Е Г Д А и мучает В С Е Г Д А, кроме коротких минут, когда я умею в Вас погрузиться и забыть все – до последней мысли. Таков седой опыт художников всех времен, и то, что я мало одарен не мешает мне мучиться тем же и так же не находить исхода, как не находили его многие, - и великие тоже.» (А. Блок – Л.А Дельмас. № 172, с. 242);

3. *«У меня есть одна ненормальность, которая много вредила мне в жизни. Я очень люблю в женщине внешность, изящество форм лица, тела, красивое платье, стиль разговоров и манер. Если я сам меньше всего выдерживаю критику с этих точек зрения, я все же болезненно воспринимаю уклоны от какой-то эстетической нормы.»* (В.В. Виноградов – Н.М. Малышевой. 15 или 19 ноября, 1925, с. 179)

В фрагменте письма Ф.И. Шаляпина оценочное значение выражено синтаксическими оценочными конструкциями («какая это удивительная вещь и какой был у нас в театре праздник») и лексическим значением слов в данных высказываниях («удивительное», «праздник»).

В фрагменте письма А. Блока, представляющего собой осмысление и оценку адресантом своего творческого пути, призвания, назначения как художника слова имеются высказывания, выражающие внутреннее состояние адресанта («все мучение, и ревность, и тяжесть в том...»); выражается индивидуально авторское осмысление, понимание значения искусства и роли художника в жизни общества различных эпох («...искусство там, где ущерб, потеря, страдание, холод»; «таков седой опыт художников всех времен»; «...не мешает мне мучиться тем же и так же не находить исхода, как не находили его многие, - и великие тоже»). Приведем примеры метатекстовых адресантных оценочных высказываний: *«Вот какие умные письма могу писать я, когда хочу»* (В.В. Виноградов – Н.М. Малышевой. 2 декабря, 1925, с. 180); *«Все это письмо уж так и посылаю в его импрессионистском и сумбурном виде»* (А Блок – Е.П. Иванову. № 44 с. 82)

«Написал вчера длинное письмо ко дню свадьбы, но сегодня решил не посылать его. Вышло не то, что чувствую, какая-то философия, притом с грустью, и это не подходит ко дню» (К.С. Станиславский – М.Н. Лилиной. 3 июля, 1915. Евпатория); *«Письмо мое несвязно и недостойно тебя»* (А. Блок – Л.Д. Менделеевой. 15 мая, 1903. Петербург); *«Я сочиняю тебе длинные письма, а когда сажусь писать, то выходит убого и скудно, нудно. Я не умею выразить любви моей к тебе в окаянных письмах»* (А.Н. Толстой – Н.В. Крандиевской. 27 декабря, 1916. Минск). Приведенные метаречевые высказывания в письмах различных авторов являются оценочно-характерезующими.

Отметим, что метаречевые адресантные оценочные высказывания особенно характерны для писем В.В. Виноградова, что обусловлено пристальным, глубоким вниманием выдающегося ученого лингвиста к языку и его употреблению.

Метаречевые высказывания в письмах В.В. Виноградова выполняют функцию оценки своей речи адресантом (1); представляют собой интересные замечания В.В. Виноградова об употреблении языка (2); демонстрируют самый высокий уровень владения языком (3).

Например:

1. *«Не сердитесь за метафорический стиль. Это – признак романтизма»* (В.В. Виноградов – М.Н. Малышевой. 2 февраля, 1926. Ленинград); *«Какая сложная гамма стилистических переходов. Вникайте в них и в любовь мою: она – одушевленная»* (В.В. Виноградов – М.Н. Малышевой. 11 февраля, 1926. Ленинград); *«Не удивляйтесь стилистической соломе и осеннему хворосту. И не морщитесь от бедной немоции моего стиля. Я устал и спина тоскует о воздухе и движении»* (В.В. Виноградов – М.Н. Малышевой. 4 февраля, 1926. Ленинград);

2. *«Здравствуйте, миленькие малютки, мои крошки! Как странно (больше того: убийственно), что нет слов свободных: литература прикрепила даже те слова, с которыми я обратился к Вам, к определенным образам. Так говорил Чичиков, обещая привезти гостинец Алкиду и Фемистоклосу, детям Манилова (только*

вместо «здравствуйте» - он сказал: «прощайте»)» (В.В. Виноградов – М.Н. Малышевой. 2 марта, 1927. Ленинград);

3. «Не соединить ли мне хоть в одном письме эпистолярный стиль со сказовыми формами, дорогая Надюша? Фабула есть» (В.В. Виноградов – М.Н. Малышевой. 30 марта, 1926. Ленинград); «Начинаю с любви и грез. О той, что есть, и о тех, что должны воплотиться, - сказ<...> Предстоит раздиранье риз и метание жребия (все – библейские метафоры, как высокой лирической патетике надлежит)» (В.В. Виноградов – М.Н. Малышевой. 11 февраля, 1926. Ленинград).

Таким образом, оценочные и эмоционально-оценочные высказывания являются источником субъективно-модального значения, антропоцентричности и одним из средств, реализующих категорию модальности текста дружеского письма.

Список литературы

1. Белунова Н.И. Дружеское письмо творческой интеллигенции конца XIX - первой четверти XX века в коммуникативном аспекте: Монография. СПб., 2011
2. Белунова Н.И., Савченко А.А. Модальность как существенная категория текста дружеского письма (на материале писем творческой интеллигенции конца XIX - первой четверти XX века) // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. № 2 (16). 2013. С. 159-166.
3. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
4. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в современном русском языке // Исследования по русской грамматике: Избр. труды. М., 1985. С. 53-87.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981
6. Гальперин И.Р. Модальность текста // Сб. науч. тр. МГПИЯ им. М. Тореца. М., 1980. Вып. 158. С. 119-133.
7. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Саратов, 1999.
8. Николина Н.А. Фактор адресата и структура прозаического текста // Функционирование языковых единиц и категорий в синхронии и диахронии. Таллин, 1989. С. 4-13
9. Солганик Г.Я. К проблеме модальности текста // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984. С. 173-186.
10. Сотникова А.Л. Фактор реципиента и способы его экспликации в различных типах текстов // Языковые единицы в речевой коммуникации. Л., 1991. С. 105-117.
11. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 66-71.
12. Виноградов В.В. «Сумею преодолеть все препятствия». Письма // Новый мир. 1995. № 1. С. 173-213.
13. Горький М. Собр.соч. в 30 т. Т.28. Письма. Телеграммы. Надписи. М., 1954.
14. Горький М. Собр.соч. в 30 т. Т.29. Письма. Телеграммы. Надписи. М., 1954.
15. Литературное наследство. А. Блок. Письма к жене. Т. 89. М., 1978.
16. Переписка А.Н. Толстого в 2-х т. Т.1,Т.2. М., 1989.
17. Прокофьев С.С. и Мясковский Н.Я. Переписка. М., 1977.
18. Станиславский К.С. Собр. соч. в 8 т. Т. 7. Письма. М., 1960.
19. Станиславский К.С. Собр. соч. в 8 т. Т. 8. Письма. М., 1961.
20. Шаляпин Ф.И. Т.1. Литературное наследство. Письма. М., 1976.

СЕКЦИЯ №17.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02)

СЕКЦИЯ №18.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)

СЕКЦИЯ №19. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)

АНГЛОЯЗЫЧНОЕ «ЗВЕЗДНОЕ» ИНТЕРВЬЮ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Михеева И.В., Крикун М.В.

Дальневосточный федеральный университет, г.Владивосток

Интервью как один из видов диалогического дискурса – это важная сфера современной публичной речи, а также интенсивно развивающаяся форма массовой коммуникации. Интервью как объект изучения лингвистики представляло интерес для многих ученых, которые занимались исследованием его различных жанров и особенностей [Вартанова, 2006; Голанова, 1996; Лукина, 2003; Мелехова, 2010; Романова, 2008 и др.].

«Звездное» интервью не так часто являлось объектом комплексных исследований [Ворошилов, 1999; Кузнецова, 2008; Швец, 2008], поэтому его дальнейшее изучение представляется актуальным. Актуальность нашего исследования определяется также необходимостью комплексного изучения интервью как вида устного диалогического дискурса в ракурсе его коммуникативно-стратегических особенностей. Относительно новым направлением в исследовании фактов языка и речи является стратегический подход, базирующийся на идее стратегичности человеческого общения и постулирующий идею о том, что отбор тех или иных языковых форм продиктован не только процессами, заложенными в самом языке, но и подчинен коммуникативным целям и тактическим задачам говорящего [Михеева, 2010, с. 168]. Целью данной статьи является рассмотрение «звездного интервью» в стратегическом аспекте, что предполагает выявление его коммуникативных стратегий и тактик.

В.В. Ворошилов определяет «звездное» интервью как целостный акт коммуникации, предполагающий диалогическое общение журналиста с интервьюируемым, в качестве которого выступает человек, проявивший себя в какой-либо сфере общественной жизни и привлекающий интерес широкой публики. Данный тип содержит большой объем личностной информации и является менее информативным с точки зрения его общественно-политической значимости [Ворошилов, 1999].

Исходя из темы нашего исследования, говоря о стратегии и тактике, в первую очередь, мы имеем в виду интервьюера, потому что именно этот участник диалога является стороной инициативной, заинтересованной. Именно этой стороне необходимо узнать новую информацию, о которой до этого интервьюируемый еще никому не говорил, заручиться доверием и найти подход к человеку. Для этого часто приходится идти на хитрости и уловки, использовать контактоустанавливающие средства, приемы, особые тактики.

Опираясь на классификацию В.В. Кузнецовой, нами были выделены основные коммуникативные стратегии и тактики, характерные для англоязычного «звездного интервью» [Кузнецова, 2008]. Применительно к нашему исследованию можно говорить о двух генеральных стратегиях интервьюера, в создании и поддержании имиджа «звезды» и стратегии создания собственного имиджа (автоимиджа) интервьюируемым.

Цель коммуникативной стратегии создания имиджа – приближение образа интервьюируемого к массовому адресату, измерение интервьюируемого категориями, близкими читателю, приписывание ему черт, которые облегчали бы его восприятие.

Стратегия создания имиджа интервьюируемого журналистом реализуется благодаря тактикам отождествления, приклеивания ярлыка, запроса самооценки тактике выделения круга интервьюируемого и тактике солидаризации. Рассмотрим подробнее некоторые тактики.

Тактика отождествления используется журналистом для сравнения экранного и реального образов. Приведение журналистом экранного образа интервьюируемого, типажа, наделенного определенными качествами, эмоциями и совершающего те или иные поступки, должно стимулировать интервьюируемого для корректировки предлагаемого ему образа [Кузнецова, 2008]. Рассмотрим данную тактику на примере.

(1) *Derrick Bryson Taylor: Your character is really gym obsessed. Are you like that in real life?*

Anthony Mackie: I try to be. I try to go to the gym every morning for an hour, hour and a half. It's just to keep myself in shape. That's one of the reasons I wanted to do this movie. I took a four-year period when I was playing cops and stuff like that. So I drunk a lot of whiskey and ate a lot of beef and got fat [Interview with Anthony Mackie Talks, by Derrick Bryson Taylor, April 25, 2013].

В рассматриваемом примере журналист в своем вопросе приводит экранный образ актера, который увлечен занятиями спортом, стимулируя интервьюируемого рассказать о такой сфере его жизни, как спорт. Герой интервью рассказывает о себе, и употребляя реплику *I try to be*, тем самым подтверждает, что в реальной жизни

хочет быть похожим на своего персонажа. Повтор лексемы *try* указывает на стремление героя добиться определенных достижений в сфере спорта. Тем самым мы видим, что журналист свои вопросом добился цели тактики, и массовому адресату был предоставлен реальный образ героя интервью.

Тактика солидаризации необходима журналисту для выяснения позиции партнера по обсуждаемому вопросу. Если интервьюер воспринимается его собеседником как «свой», говорит и спрашивает о проблемах, которые близки ему, он может рассчитывать на определенное одобрение и откровенность в ответах. Продемонстрируем данную тактику примером.

(2) *Oprah: Ellen, are you awake?*

Ellen: I am. I just woke up. I had a horrible night. The weirdest thing happened. We had some huge pop in the wall at 2:30 in the morning, and then it sounded like our whole house was going to explode. I went down to the basement — I haven't been down to the basement since we moved in two years ago — and lying next to all the audiovisual equipment is an audiobook called Being in Balance.

Oprah: Oh my goodness. Isn't that just how the world works?

Ellen: There's always a reason things happen.

Oprah: You're exactly like I am. I know that everything happens for a reason, so I look at everything like, «Okay, what does that mean, what am I supposed to be getting from that?»

Ellen: Right [Interview with Ellen De Generes by Oprah Winfrey, December 12, 2012].

В данном примере четко прослеживается тактика отождествления. Репликой *You're exactly like I am* Опра Уинфри поддерживает мнение интервьюируемого о том, что у всего случившегося есть своя причина. Данный коммуникативный ход она завершает примером своего отношения к ситуации. Ей удалось создать впечатление общности взглядов, она не намекает, а прямо говорит, что разделяет мнение собеседника. В своей первой реплике Опра обращается к собеседнику по имени *Ellen*, что помогает создать обстановку более неформального общения, располагающую к открытой беседе.

Коммуникативная стратегия создания собственного имиджа имеет своей целью намеренное создание собственного образа, реализуется посредством таких тактик, как тактика создания «своего круга», «чужого круга», тактика распределения ролей и тактика самооценки. Рассмотрим подробнее тактику создания чужого круга и тактику распределения ролей.

Тактика создания «чужого круга» интервьюируемым для идентификации своего «Я» через отрицание или неприятие качеств других. Эта тактика позволяет интервьюируемому дистанцироваться от чуждых ему ценностей. Значение приема дистанцирования – это выведение оппозиции «свои – чужие». Чужие в этом случае маркируются через местоимение третьего лица *they*, неопределенные местоимения – *another, other, others, the others*. Рассмотрим данную тактику на примере.

(3) *Colin Joyce: Musicians are the enemy of good songwriting.*

Andy McCluskey: I hate musicians, I'm so glad I'm not one of them. I'm a songwriter and I sing a bit. I do not ever want to be considered a musician. Being a musician is just a means to an end. You spend all the time learning to be a musician. So what do they want to do? They want to bore the pants off of you showing you how great a musician they are. Guitarists are the worst offenders [Interview with OMD's Andy McCluskey by Colin Joyce, April 9, 2013].

В данном примере герой высказывает свое мнение о профессии музыканта, используя слова с яркой экспрессивной окраской *I hate musicians, I'm so glad I'm not one of them*. Здесь мы видим противопоставление музыканта композитору. Герой всячески отвергает свою принадлежность к профессии музыканта *I do not ever want to be considered a musician*. Во фразе *how great a musician they are* чувствуется ироническое отношение героя к данному виду деятельности. В конце своего ответа он называет гитаристов ужаснейшими преступниками *the worst offenders*, что еще больше усиливает негативный оттенок всего высказывания.

Тактика распределения ролей используется говорящим для выделения его доминанты (приоритетной роли), характеристики факультативных ролей, подчеркивания качества исполнения им той или иной роли [Кузнецова, 2008]. Выделение в структуре имиджа ролей, не относящихся к профессиональному имиджу, является стратегическим моментом, поскольку именно те роли, которые принадлежат к частной жизни известного лица, вызывают наибольший интерес читателя. Приведем пример.

(4) *Parade Magazine: How do you balance motherhood and having such an intense career at the same time?*

Debra Messing: It is really challenging. I'm a very busy woman. I'm a working mom. I want to be able to be the mom that I want to be. I want to be able to go out in Central Park and play with my son, who's very crazy active these days. I don't want to disappoint him and say 'I can't honey, because I'm not feeling well.

Parade Magazine: We know you won the Outstanding Mother Award from the National Mother's Day Committee.

Debra Messing: I was overwhelmed. I really was. To be a mom is the job that I take most seriously in my life and I think it's the hardest job. Every day is a challenge and it's an honor to be recognized [Interview with Debra Messing, March 27, 2013].

В своем вопросе журналист выделяет главные социальные роли собеседницы: актрисы и матери, интересуется, сложно ли совмещать работу и семью. В ответной реплике актриса, используя сочетание *working mom*, подхватывает вопрос журналиста. Она описывает время, проводимое с детьми, отношение к своему ребенку: *I don't want to disappoint him*, все это позволяет актрисе лучше продемонстрировать роль матери. В следующем своем высказывании она рассказывает о награде как лучшей матери, и здесь мы видим стремление женщины показать, что ее функциональное имя (актриса) не вступает в конфликт с реляционным – мать. Напротив, она удачно совмещает работу и воспитание ребенка. Реплика *To be a mom is the job that I take most seriously in my life and I think it's the hardest job* показывает, что роль матери является приоритетной для женщины.

Таким образом, стратегии и тактики, реализуемые в жанре звездного интервью, способствуют реализации главной цели «звездного интервью» – создание и поддержание имиджа звезды у массового адресата. Перспективы нашего дальнейшего исследования мы видим в том, чтобы при изучении коммуникативных стратегий и тактик создания имиджа максимально учесть гендерный и возрастной факторы. Также данное исследование может найти продолжение в исследовании коммуникативных стратегий и тактик русского интервью.

Список литературы

1. Вартанова Н.Г. Структурно-семантические и функциональные особенности жанра рекламного интервью в русских и французских СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Г. Вартанова. – Ростов-на-Дону, 2006. – 21 с.
2. Ворошилов В.В. Журналистика / В.В. Ворошилов. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А. – 2000. – 360 с.
3. Голанова Е.И. Устный публичный диалог: жанр интервью / Е.И. Голанова // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 480 с. – С. 427-453.
4. Кузнецова В.В. Коммуникативное поведение участников портретного интервью (на материале французской и русской прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.В. Кузнецова. – Волгоград, 2008. – 24 с.
5. Лукина М.М. Технология интервью: учеб. пособие для вузов / М.М. Лукина. – М.: Аспект Пресс, 2003 – 191 с.
6. Мелехова Н.А. Исповедальное телевизионное интервью как речевой жанр масс-медиа: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Мелехова. – Ярославль, 2010. – 23 с.
7. Михеева И.В. Дискурсивно-стратегический аспект презенса: дис. ... канд. филол. наук / И.В. Михеева. – Иркутск, 2010. – 191 с.
8. Романова О.В. Адресованность и интертекстуальность газетного интервью как жанра журналистского дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Романова. – Екатеринбург, 2008. – 28 с.
9. Швец Е.В. Специфика структурно-композиционной организации текста «звездного» интервью / Е.В. Швец // Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 4. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2008. – С. 185-194.

ГЕНДЕРНЫЕ ДИСКРИМИНАЦИИ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ НА ОСНОВЕ «АНГЛО-РУССКОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ» ПОД РЕДАКЦИЕЙ А.В. КУНИНА

Болат-оол Р.В., Монгуш Т.К.

Тувинский государственный университет, г.Кызыл

Ключевые слова: гендер, гендерная дискриминация, род, фразеологические единицы, маскулинность.

В данной статье мы затронем вопрос о гендере. Гендер являет собой определение женщин и мужчин на основе их социальной роли, и определяются концепцией задач, функций и ролей, предназначенных обществом женщинам и мужчинам в их общественной и личной жизни. Гендер, таким образом, относится не просто к женщинам или мужчинам, а к отношениям между ними и к способу социального конструирования этих отношений, т.е к тому, как общество «выстраивает» эти отношения и взаимодействие полов в социуме [Реан 1999: 252].

Феминистская лингвистика утверждает, что в языке можно проследить андроцентричность (ориентированность на мужчину) и ущербность образа женщины в картине мира. Речь идет о патриархальных стереотипах, зафиксированных в языке и навязывающих его носителем определенную картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль, и приписываются в основном негативные качества, что способствует игнорированию женщин.

Актуальность нашей темы заключается в том, что изучение гендерной дискриминации представляет большой интерес для ученых нашего века, в виду ее недостаточной разработанности в лингвистике, особенно в России.

Цель данной работы:

- выявление гендерной дифференциации в английских фразеологизмах, относящихся к мужчинам и женщинам.

Традиционно в современных гуманитарных науках проблема различия мужского и женского рода рассматривается в первую очередь как грамматическая категория. В английской же грамматике дело обстоит совсем по-другому.

В английском языке понятие *рода* существительных - категория семантическая: существительные, обозначающие представителей мужского пола считаются представителями мужского рода, и вместо них употребляется личное местоимение *he*; существительные, обозначающие представителей женского рода употребляется *she*; все остальные существительные считаются существительными среднего рода, и вместо них употребляется личное местоимение *it* [Блох 1983:76].

Нами были рассмотрены фразеологизмы в словаре А.В. Кунина относящиеся семантически к женщинам и мужчинам. По значению фразеологических единиц были выделены три семантические группы: род деятельности, семейные отношения и внешность.

В семантической группе, выражающей род деятельности мужчин мы нашли 85 фразеологических единиц, тогда как количество фразеологических единиц, выражающих род деятельности женщин, было выявлено 42. Это позволяет нам сделать вывод, что род занятий для мужчин играет важную роль в их жизни. При выражении рода деятельности мужчин по словарю А.В. Кунина в основном употребляются такие фразеологические единицы: *a man of the god, a man of the cloth, black coat, father confessor, spiritual father, black gown, take orders, fleet parson, the long robe*. Все они употребляются в значении «священник, работник церкви», а также то, что они носили во время своей работы.

В этой группе при описании рода деятельности женщин в основном употребляются фразеологические единицы со значением «заниматься проституцией, девушка легкого поведения»: *Go on (or walk) the streets, hot stuff, hot number, the oldest profession, a lady of easy virtue, a light of love, a white slave*.

Следующая группа фразеологических единиц, которую мы выделили, выражает семейные отношения женщин и мужчин, то есть это те словосочетания, которые имеют значение «жена» и «муж»: *hostages to fortune, one's worse half, Miss/Mister Right, the first lady, the old lady, the little woman, a golf widow, one's young woman, left-handed wife, one's best girl, one's better half*. В данной группе мы выделили 46 фразеологических единиц с компонентом «женщина», 20 фразеологических единиц с компонентом «мужчина». Женщина в основном описывается как мать, жена, тогда как мужчина часто «не решается сделать выбор между двумя женщинами».

Согласно вышперечисленным фразеологическим единицам семейные отношения мужчин характеризуют их семейное положение в жизни. А при выражении семейных отношений женщин, в основном их положение, когда они ждут ребенка, и со значением «жена».

Последняя семантическая группа, описывающая внешность мужчин и женщин, составляет 13 фразеологических единиц о мужчинах и 37 фразеологических единиц о женщинах.

Для того чтобы описать внешность мужчин автор словаря А.В. Кунин использовал такие фразеологические единицы, которые показывают слабого мужчину, например, *A miss Nancy* - значение этого словосочетания «неженка, девчонка». Подобным значением имеет такие фразеологические единицы *a weak sister* - ненадежный человек: слабак «баба», маменькин сынок. Следующая фразеологическая единица тоже описывает слабую сторону мужчин, например, *the men born of woman*, что в переводе означает рожденный женщиной, в современном словаре не указано ее новое значение.

Следующие примеры фразеологических единиц описывают мужественность мужчин, например, *between man and man, a man's man* - как мужчина с женщиной.

При описании фигуры женщин употребляются следующие фразеологические единицы со значением «толстая, пышка»: *plump as a partridge, Big Bertha*.

По словарю А.В. Кунина мы нашли следующие словосочетания: *a peroxide blonde, a platinum blonde, a bushfire blonde*, со значениями женщина с крашеными волосами.

При описании красоты женщин по словарю А.В. Кунина даны следующие фразеологические единицы: a dolly bird - хороша как «куколка» также имеются фразеологические единицы the eternal feminine, a rose between two thorns, fair as a lily, все они в хорошем значении.

Фразеологические единицы, описывающие форму бюста женщин следующие: flat as a board - совершенно плоская, плоская как доска. При описании противоположной формы употребляется a sweater girl - девушка с пышным бюстом.

При описании прекрасной половины человечества в основном описываются их внешние черты: фигура, лицо, как они одеваются. В группе внешность выделяется больше фразеологизмов, описывающих внешность именно женщин, следовательно, им не нужно совершать какие-либо поступки, стоит лишь показать быть красивыми, прекрасными.

Таким образом, анализ англо-русского фразеологического словаря под редакцией А.В. Кунина показал так называемый языковой сексизм, но в настоящее время положение мужчин в обществе постепенно меняется: трансформируются образы, маскулинность в современной культуре. Если раньше говорилось чаще об образе рыцаря, бесстрашного, то в данный момент эти стереотипы исчезают, характерными чертами мужчин являются беззаботность, алкоголизм, отсутствие занимаемой должности, что должно находить отражение в языке. На сегодняшний день постепенно исчезают образы мужчин, для того чтобы вернуть прежние стереотипы мужчин разрабатываются новые законопроекты, где они должны быть вовлечены в общественные дела, принимать участие в воспитании будущего поколения страны.

Меняется отношения к функциям и личностным характеристикам, которые культура и общество закрепляли за мужчинами и женщинами.

Это повлекло за собой и неотвратимые сдвиги в языковой сфере – то, что казалось ранее приемлемым, теперь обретает унижительный характер. Поэтому необходимо изобретать новые, более нейтральные пути обозначения привычного.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: 2002. – С.89-99.
2. Булалитдинов М.Д. «О роли и месте женщины в обществе» // Вестник ТГПУ, 2007 № 35. – С.56-76.
3. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. М.: Высшая школа 1983. – С.128.
4. Зеленщикова А.В., Петрова Е.С. Грамматика современного английского языка. М.: 2011. – С.144-167.
5. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: «Русский язык», 1984. 943 с.
6. Кирилина А.В. «Гендер и язык». // Филологические науки №3, 2000.
7. Кирилина А.В. «Гендер в лингвистике». // Филологические науки №1, 1999.
8. Кирова А.Г. «Развитие гендерных исследований в лингвистике». Филология. // Вестник ТГПУ, 2009, выпуск 8.86.
9. Кобрин Н.М., Корнеева Е.А., Оссовская М.И., Гузеева К.А. Грамматика английского языка. 1983. – М.: Высшая школа. – С.123-143.
10. Либин А.В. «Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций». – М.: 1999.
11. Научные труды преподавателей ТывГУ выпуск 3, том 3, 2005.
12. Ольшанский А.Г. «Гендерные исследования в лингвистике». // Филологические науки № 3, 2000.
13. Реан А.А. «Психология изучения личности». 1999.

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ РЕФОРМЫ НЕМЕЦКОЙ ОРФОГРАФИИ (1996-2007 ГГ.)

Хакимова Г.А.

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина,
г.Москва

Редко встречается, чтобы какая-либо тема из области культуры держала бы в напряжении целое языковое сообщество так долго как реформирование немецкого правописания, став национальной темой Германии целого десятилетия. Нормирование немецкой орфографии имеет долгий путь развития и стало предметом обсуждения двух Орфографических конференций в Германии (1876 и 1901 гг.). В силу нерешенных в прошлом и назревших новых проблем в правописании возникла необходимость дальнейшего упорядочения и упрощения орфографии

немецкого языка. С этой целью официальные представители Германии, Австрии, Швейцарии, Лихтенштейна и других стран с немецкоязычными меньшинствами подписали в 1996 г. в Вене совместное соглашение о введении нового немецкого правописания (eine «Gemeinsame Absichtserklärung zur Neuregelung der deutschen Rechtschreibung»), которое, как высказал свое мнение президент КМК (конференция министров культуры) Карл-Хайнц Рек, стало «важной, может быть, даже исторической датой для немецкого языкового сообщества» [9]. Окончательный вариант реформы орфографии, претерпевшей несколько ревизий, был утвержден 1 августа 2006 г., а переходный период, в течение которого старое правописание не считалось ошибочным и могло использоваться параллельно с новым, истек в Германии 1 августа 2007 г. [6].

Язык как важнейшая составляющая культуры претерпевает в современном мире изменения, которые должны регулироваться языковой политикой государства, так как они оказывают влияние на культурное развитие и образование народов. На необходимость регулирования языковых процессов в виде упрощения норм письменного языка обращал внимание один из выдающихся российских языковедов Л.В. Щерба, писавший, что «...организуя наше письмо, устанавливая и реформируя нашу орфографию, мы вправе руководствоваться часто практическими мотивами: легкостью усвоения письма, легкостью и быстротой чтения и схватывания смысла читаемого. Можно даже сказать, что эти мотивы должны быть решающими в деле орфографии» [1, с. 157].

Реформа орфографии вызвала оживленную и подчас ожесточенную дискуссию в немецкоязычном сообществе. В дискуссиях был представлен широкий спектр мнений как лингвистов, так и людей, не имеющих специального лингвистического образования, но не равнодушных к своему родному языку. Реформаторов обвиняли в непоследовательности и отсутствии какой-либо логики при формулировании новых правил правописания. Многие были обеспокоены, будет ли достигнуто упрощение норм немецкой орфографии, не посеет ли реформа многолетнюю путаницу в правописании, не повредит ли реформа авторитету немецкого языка. Общество волновал также вопрос, в какую сумму реформа орфографии обойдется налогоплательщикам, какие фактические затраты понесут издательства, и, в конце концов, должно ли государство вообще заниматься вопросами правописания, или следует предоставить правописанию развиваться согласно внутренним законам языка, не осуществляя систематического контроля за нормами орфографии [4, S. 8-9].

Анализ опыта немецкого общества по адаптации нового языкового режима представляется важным и интересным также и для России, поскольку идея обновления системы русской орфографии в настоящее время актуализировалась. Какие же основные итоги получены в результате реформы немецкой орфографии? В исследовательской работе О. Штеншке, посвященной анализу дискуссий о реформе немецкой орфографии в СМИ, причинами недовольства немецкоязычного сообщества итогами реформы называются изменение орфографического облика текста, ставшего непривычным; давление на немецкоязычное население «сверху», которое вынудило людей переучиваться без особой на то причины; неоднократные «реформирования» самой реформы, вносящие еще большую путаницу в написание слов [8].

По оценке председателя Совета по немецкому правописанию Х. Цейтмайра в 2011 году зафиксировано неграмотное письмо у 20% 15-летних подростков, причиной чему среди прочего отмечается несовершенство новых правил немецкой орфографии. Школьные учителя столкнулись с трудностями в вопросе объяснения новых правил немецкого правописания в силу отсутствия соответствующего дидактического материала и того факта, что правила правописания скопированы «слово в слово» из свода новых правил без учета возрастных особенностей школьников [7].

Факты возросшей неграмотности среди молодого поколения Германии отмечает также д-р У. Грунд в своем докладе «Успехи правописания до и после реформы орфографии», который был представлен на заседании Исследовательской группы Немецкий язык (Франкфурт-на-Майне) в ноябре 2013 г. Проанализированные д-ром Грундом 3,5 млн написания слов в школьных сочинениях и диктантах учеников 4-х классов (2001 г.) и 9-х классов (2008, 2010 гг.) показали, что квота ошибок после реформы орфографии возросла почти вдвое по сравнению с дореформенными показателями. Количество ошибок увеличилось особенно по тем разделам орфографии, претерпевших изменения в ходе реформы, прежде всего при написании с заглавной/строчной буквы, слитном/раздельном написании и при написании слов с «ss» или «ß» [5].

В докладе по современному состоянию немецкого языка, его роли в мировом сообществе, сделанного профессором лингвистики П. Айзенбергом (университет Потсдам) в апреле 2014 г., отмечается, что реформой орфографии был нанесен значительный ущерб корпусу немецкого языка, поскольку орфография одного из самых употребляемых языков в мире в результате реформы не получила четких однозначных правил, а немецкое языковое сообщество было «травмировано вмешательством государства в немецкий язык» [3].

Реформа немецкой орфографии невольно создала конфликт поколений. Нацеленная в первую очередь на молодое поколение, реформа орфографии была болезненно воспринята грамотной частью населения (т.е. взрослыми людьми, уже закончившими свое обучение) из-за необходимости переучиваться и неуверенности в

своих навыках грамотного письма. Родители уже не могли помочь своим детям-школьникам при письме, тем самым теряя авторитет старшего поколения, уверенно владеющего орфографией.

В целом можно отметить, что немецкое общество недовольно ни затратами на проведение реформы орфографии ни ее результатами, поскольку она не достигла своей первоначальной цели, а именно облегчения письменного немецкого языка. Никто не мог предположить в 1996 году, что дискуссии вокруг реформы немецкой орфографии затянутся на столь долгий срок, приведут к пересмотру некоторых разделов нового свода правил орфографии и частичному возврату к прежним правилам. Противники реформы назвали реформу немецкой орфографии самым дорогостоящим экспериментом прошлого века [2, S. 120]. Насколько оправданы были эти расходы – покажет только время.

Список литературы

1. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку [Текст] / ред. М.И. Матусевич; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз. – М.: Учпедгиз, 1957. – 186, [2] с.
2. Denk, W. 10 Jahre Rechtschreibreform. Überlegungen zu einer Kosten-Nutzen-Analyse [Die elektronische Ressource]. – Режим доступа: <http://www.sprache-werner.info/10-Jahre-Rechtschreibreform-Ueberlegung.10839.html>. - Загл. с экрана.
3. Eisenberg, P. Alles, auch Hochdeutsch – wie zukunftsfähig ist unsere Sprache? [Die elektronische Ressource]. - Режим доступа: <http://blog.wiwo.de/management/2014/04/07/die-anglizismen-sind-gar-keine-bedrohung-fur-die-deutsche-sprache-sagt-sprachprofessor-eisenberg/> - Загл. с экрана.
4. Eroms, H.-W. Die Rechtschreibreform. Pro und Kontra [Der Text] / H.-W. Eroms, H.H. Munske // Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1997. - 264 S.
5. Grund, U. Rechtschreibreform: Aktuell. Neue Studien zur "Rechtschreibreform" [Die elektronische Ressource]. – Режим доступа: <http://www.schriftdeutsch.de/orth-akt.htm> - Загл. с экрана.
6. Rat für deutsche Rechtschreibung. Bericht über die Arbeit des Rats für die deutsche Rechtschreibung von März 2006 bis Oktober 2010 [Die elektronische Ressource]. - Режим доступа: <http://www.rechtschreibrat.ids-mannheim.de/.../bericht2010>. – Загл. с экрана.
7. Rechtschreibreform: Aktuell [Die elektronische Ressource]. - Режим доступа: <http://www.schriftdeutsch.de/orth-akt.htm> - Загл. с экрана. / Reform der deutschen Rechtschreibung von 1996 [Die elektronische Ressource]. - Режим доступа: http://de.wikipedia.org/wiki/Reform_der_deutschen_Rechtschreibung_von_1996 - Загл. с экрана.
8. Stenschke, O. Rechtschreiben, Recht sprechen, recht haben - der Diskurs über die Rechtschreibreform : eine linguistische Analyse des Streits in der Presse [Die elektronische Ressource]. – Tübingen: Niemeyer, 2005. – 350 S. - Режим доступа: <http://www.books.google.com> › ... › Linguistics › General. - Загл. с экрана.
9. Wiener Absichtserklärung 01. Juli 1996 [Die elektronische Ressource]. - Режим доступа: wuerzburg.deuploader.wuerzburg.de/rechtschreibreform/b-w. - Загл. с экрана.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Дьяченко И.А.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г.Абакан

Идеология политической корректности занимает прочные позиции в языке и культуре западного общества. Стремительно развиваясь, идеи политической корректности проявляют себя в различных сферах жизнедеятельности. Не является исключением и сфера рекламы. В настоящей статье мы намерены проиллюстрировать использование политически корректных слов и словосочетаний в английском рекламном дискурсе.

Как известно, основная цель рекламного дискурса – не только информировать потенциального клиента о наличии товара, но и максимально привлечь его к приобретению этого товара. Задача усложняется, если адресатом рекламного сообщения выступают категории граждан, которые воспринимаются в обществе как неполноценные его члены, представители так называемых дискриминируемых групп населения. Формулировка обращения к этим людям не должна содержать прямого указания на дискриминирующий признак. В противном случае велика вероятность того, что обращение рекламодателя может оскорбить потенциального покупателя, а то

и вовсе спугнуть его. В таких случаях весьма эффективными языковыми средствами являются политически корректные слова и словосочетания. В качестве примера рассмотрим следующие рекламные сообщения:

(1) We develop innovative pharmaceuticals for diabetes management. So that people with diabetes can focus on life. Everyone likes to have more time for life. But for the 142 million people with diabetes worldwide, controlling their disease is a day and night job. At Aventis, a world-leading pharmaceutical company, we offer treatments that enable those suffering from diabetes to more effectively manage their disease. And our scientists continue to step up towards the fight against diabetes by utilizing their extensive expertise and innovation technologies. So that people with diabetes have more time for life [3, с. 8].

Данный рекламный текст обращен к людям больным диабетом. В английском языке традиционно их принято называть *diabetics* (диабетики), однако автор данного рекламного сообщения обращается к ним в более корректной форме, называя их *people with diabetes / those suffering from diabetes* (люди с диабетом) / (люди страдающие диабетом).

Кроме того, обращает на себя внимание словосочетание – *diabetes management* вместо более привычного сочетания – *diabetes treatment*. Исходя из анализа словарной дефиниции номинации *management – the act or skill of dealing with a situation that needs to be controlled in some way* [2, с. 871], можно утверждать, что *diabetes management* это не только, и не столько лечение неизлечимой болезни (диабета), а, скорее, возможность, средство или способность управлять ею. Такая категоризация ситуации поддерживается значением слова *control* в высказывании *controlling their disease (to have power over something or the ability to regulate, direct, or dominate a situation* [5, с. 139]) и значением слова *manage* во фразе *manage their disease (to direct or control the affairs or use of; to organize* [2, с. 871]).

(2) A co-educational day school
IB international baccalaureate
Programmes nursery, kindergarten
Open entry to the school and IB Diploma (non-selective)
International Baccalaureate Middle Years Programme (MYP)
International Baccalaureate Primary Years Programme (PYP)
Students of 53 nationalities
Intensive ESL available
Special Needs [4, с. 30].

Данный текст представляет собой рекламу дневной школы для лиц обоего пола. Помимо перечисленных в сообщении программ, которые осуществляет школа, предоставляются места для обучения детей-инвалидов. Однако автор текста рекламы избегает оскорбительной с точки зрения политкорректности номинации *invalids* (инвалиды), а использует политически корректное словосочетание *special needs* (полностью – *children with special needs* – дети с особыми потребностями).

(3) Room Amenities

200 tastefully designed and furnished rooms with spectacular views of the Majestic Mount Kinabalu. South China Sea and its exotic tropical islands consisting of Tower and Junior Suites, Deluxe Bay Window Rooms, Superior and Standard Rooms as well as Rooms for the differently abled person. Room features include: Bathroom, IDD telephone, message service, in-room safe deposit box, complementary newspaper, hair dryer, remote control multi-channeled television, individually controlled air conditioning, ceiling fan, mini bar, coffee and tea making facilities [6].

Данный пример представляет собой отрывок рекламного сообщения, рекламирующего отель на одном из курортов Китая. Наряду с номерами люкс (*Deluxe Bay Window Rooms*) и комнатами высшего класса (*Superior Rooms*) предоставляются комнаты стандартного типа (*Standard Rooms*), очевидно предназначенные для людей среднего достатка.

Следует отметить, что слово *standard* весьма часто используется в английском языке в качестве политически корректного термина. Являясь стилистически нейтральным, слово *standard* весьма эффективно позволяет избежать прямого указания на размер, социальный уровень и т.д. Например, пассажиры разных видов транспорта делятся на: 1) *first class* (первый класс), 2) *business class* (бизнес-класс), 3) *economy class* (экономический класс) или *standard class* (стандартный класс), которые употребляются вместо словосочетания *второй класс*. Словосочетание *второй класс* является неприемлемым с позиций политкорректности, поскольку может задеть чувства или вовсе обидеть пассажиров [1, с. 224]. Даже зубные щетки продаются очень деликатно: *for small teeth* – для маленьких зубов, *for standard teeth* – для стандартных зубов (а не для больших) [там же].

Помимо вышеперечисленных гостиничных номеров, в рекламном сообщении (3) предлагаются комнаты, специально оборудованные для людей-инвалидов (*invalids*), однако автор именует их политически корректно – люди с ограниченными возможностями (*differently abled person*).

(4) Computer Talking Software

We are a leading Exporter & Supplier of Computer Talking Software such as Talking Software, Talking Keyboard Software, Talking Scientific Calculator, Arithmetic Software for Visually Challenged and Algebra Software for Visually Challenged from India [7].

Адресатом данного рекламного сообщения являются инвалиды по зрению, другими словами – слепые люди (*the blind*). Автор рекламного сообщения именует их с помощью политкорректного словосочетания *visually challenged*, которое можно перевести как *преодолевающий трудности из-за проблем со зрением*.

В следующих рекламных сообщениях использование политически корректных номинаций представляет собой своего рода попытку повысить социальных статус малооплачиваемых и непрестижных профессий, и тем самым, возможно, привлечь потенциального работника.

(5) A *Custodian* is needed at Big Y Foods in Franklin, MA! The benefits at Big Y Foods as a Custodian includes medical, dental, vision, paid time off, 401K, and more! The Custodian is responsible for performing maintenance and janitorial duties throughout the store as well as other related duties. Register online to apply! [8].

В данном примере наблюдается использование политически корректного – *custodian* вместо традиционного – *cleaner* (уборщик) или *janitor* (дворник).

(6) Housekeeper is needed urgently.

I am urgently in need of a reliable housekeeper. I need someone whom I can trust to clean up my home. Please get in touch with me if you are interested [9].

Автор сообщения использует политически корректную номинацию *housekeeper* (домашняя хозяйка) вместо *charwoman* (уборщица).

Итак, проведенный анализ показывает, что использование политически корректных слов и словосочетаний в рекламном дискурсе продиктовано желанием избежать дискриминации в языке, проявить вежливость и тактичность в отношении адресата рекламного текста.

Вместе с тем нередко отмечается, что использование политически корректной лексики в коммерческой сфере вызвано отнюдь не идеологическими мотивами. Так, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, в подавляющем большинстве корректность английского языка вызвана коммерческими мотивами, коммерческим интересом к человеку как к потенциальному клиенту [1, с. 225-227]. Следовательно, рассмотренные в данной статье случаи использования политически корректных единиц являются типичным примером того, что С.Г. Тер-Минасова называет коммерческой корректностью и коммерческой заботой о человеке-клиенте [1, с. 225].

В целом можно заключить, что в английском рекламном дискурсе политкорректные слова и словосочетания используются в качестве языковых средств выражения вежливости и являются весьма эффективными средствами воздействия на потенциального сотрудника или потребителя.

Список литературы

1. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.
2. Longman Advanced American Dictionary / ed. by A. Gadsby. Harlow: Pearson Education Limited, 2000. – 1746 p.
3. Newsweek, December 23, 2002.
4. Newsweek, September 30, 2002.
5. Oxford Wordpower Dictionary / ed. by Sally Wehmeier. Oxford New York: Oxford University Press, 1997. – 746 p.
6. http://www.bjaya.com/hotelsresorts_beverlysabah.html
7. <http://www.indiamart.com/karishmaenterprises-mumbai/computers-talking-software.html>
8. <http://www.simplyhired.com/job/custodian-job/big-y-foods>
9. <http://www.nannyavailable.com/nannyjobsbabysittingjobs.asp>

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК СРЕДСТВУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ

Комарова Л.Н.

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина,
г.Москва

За последние годы заметно изменилось отношение к иностранному языку. Все больше и больше выпускников неязыковых вузов осознают необходимость владения иностранным языком, поскольку многие начинают работать в сферах большого и малого бизнеса, так или иначе связанного с иностранными партнерами, появляются новые лекарства для лечения различных заболеваний мелких или сельскохозяйственных животных, новые корма для них. Массовая компьютеризация, а также подключение к сети Интернет открывают огромные возможности не только для изучения иностранного языка как такового, но и позволяют попрактиковаться непосредственно в речевом общении на языке. При этом предпочтение отдается английскому языку как наиболее распространенному языку международного общения и бизнеса.

По мнению отечественных специалистов в области ветеринарии «не случайно успешно функционируют такие международные организации, как Международное эпизоотическое бюро, Всемирная ветеринарная ассоциация и многие другие, где средством общения является, в частности, английский язык». [1, с. 5]

Как отмечает отечественный специалист Ю.Н. Марчук «современная языковая ситуация характеризуется следующими двумя факторами:

- обилием национальных языков, входящих в круг мирового общения;
- преобладанием делового стиля над ранее господствовавшими темами религиозного содержания, художественной литературы, драматургии и т.п.» [2, с. 14].

Как известно, основным направлением и задачей в обучении иностранному языку в неязыковом вузе вообще и в сельскохозяйственном вузе, в частности, является формирование навыков и умений чтения специальной литературы, а также умений построения высказываний по специальности. Сам по себе перевод может быть устным и письменным, последовательным и вольным, дословным и реферативным и т. п. Основным требованием к переводу специальной литературы является точность перевода. Краткость и полнота изложения содержания оригинала должны полностью соответствовать нормам родного языка. Все это составляет понятие точный перевод.

На начальном этапе обучения студенты неязыковых вузов впервые сталкиваются с текстами и упражнениями с новой незнакомой лексикой по их будущей специальности. Не имея достаточных навыков и умений работы с данным материалом, они часто сводят перевод к механической подстановке русских слов вместо английских с сохранением конструкции английского предложения, что в конечном итоге приводит к бессмыслице.

С учетом этого обстоятельства можно предложить для начала сделать первоначальный перевод, который облегчит понимание основной темы переводимого материала. После этого начинается работа по правильной подборке слов синонимов либо антонимов, которые будут наиболее четко передавать содержание текста, а затем устанавливаются грамматические связи. И только после этого можно сказать, что получен адекватный перевод.

Необходимо отметить, что первичное ознакомление с незнакомым текстом и успех перевода во многом зависят от словарного запаса, а также от умения интуитивного определения значения иностранного слова.

В процессе работы над специальной литературой студент может встретить много иностранных слов, неологизмов. Как правило, при их переводе используется термин, если он есть в русском языке, либо дается описательный перевод. Чтобы такой описательный перевод как можно точнее передавал информацию, часто прибегают к лексическим и грамматическим преобразованиям. Под лексическими преобразованиями имеется в виду добавление слов или наоборот их исключение, конкретизация слов, употребление антонимов и т. д. При переводе часто возникают трудности и с переводом, например, модальных глаголов или их эквивалентов.

Необходимо при работе с текстами, в которых встречаются языковые особенности или грамматические трудности, не просто объяснить их суть, а стремиться к органическому включению в состав переводимых текстов.

К подбору текстов необходимо относиться очень тщательно. В процессе практического овладения иностранным языком текст является одной из самых главных единиц обучения. Текст является источником расширения языковых знаний, основным источником получения информации, а также базой для тренировки языкового материала.

Для получения заметных практических результатов в обучении вопрос об отборе тематики и типов текстов, которые будут использоваться на занятиях в соответствии со спецификой учебного заведения, приобретает первостепенное значение.

В лексическом плане на начальном этапе тексты можно разделить на тексты с преобладанием общеупотребительной лексики, тексты с преобладанием общенаучной лексики и тексты с преобладанием терминологической лексики.

Оригинальные тексты по специальности должны быть специально подобраны с учетом их уровня сложности. При этом оригинальные тексты должны являться основой для подготовки учебных текстов. Учебный текст – это оригинальный текст с небольшими изменениями. В нем сохраняется построение и распределение информационной нагрузки оригинального текста. Такие учебные тексты, которые, как правило, читаются во втором семестре, позволят решить проблему перехода от чтения учебных адаптированных текстов непосредственно к чтению оригинальной иностранной литературы.

На начальном этапе работа с учебными текстами поможет студентам расширить свой лексический запас, самостоятельно искать способы адекватного перевода текста, а также работать с двуязычными словарями. К текстам для чтения целесообразно прилагать задания на составление выводов и резюме или задание на описание, объяснение либо сравнение и обобщение.

Тексты для чтения в неязыковых вузах, как и все тексты научно-технической литературы, богаты наличием таких средств как чертежи, схемы, графики таблицы. Эти особенности специальной литературы целесообразно не игнорировать, так как при чтении и переводе таких компонентов студенты получают общее представление об информации, содержащейся в тексте. В процессе чтения специальной оригинальной литературы могут встретиться и другие источники информации, например рекламный текст. Хотя изучение особенностей данного вида текста не входит в задачи обучения студента, игнорировать его не стоит.

Известно, что в английском языке лишь для сравнительно небольшого количества слов имеется постоянное соответствие в русском языке. В основном большинство слов многозначны, иначе говоря, они имеют полный ряд соответствий. В процессе работы над специальным оригинальным текстом часто перед студентом встает вопрос о выборе из этого многообразия конкретных значений. В конечном итоге выбирается такое соответствие, которое наиболее полно передает значение слова в переводимом тексте. В случае если не подходит ни одно из словарных значений следует искать нужное соответствие исходя из своего знания предмета.

При этом нельзя не учитывать тот факт, что в неязыковых вузах предметы по специальности начинаются с 3 курса, а, следовательно, студенты первых курсов испытывают недостаток знаний по специальности и не имеют личного профессионального опыта. Но, как известно, иностранный язык по специальности это совокупность всех языковых средств. Поэтому при подборе специальной оригинальной литературы одни тексты могут служить объектом получения информации, другие для изучения и последующего перевода.

В последнее время встречаются специальные оригинальные тексты с терминологической лексикой, которая находится на стыке нескольких специальных предметов и, следовательно, может иметь различные специальные соответствия.

На каждом этапе чтения и перевода учебной литературы на иностранном языке студенты неязыковых вузов получают реальную возможность использовать это не только для получения информации и ее переработки, но и для приобретения умений и навыков по работе с общенаучной лексикой дома. Некоторые тексты предназначены специально для самостоятельного чтения. Они взяты из англоязычных периодических изданий и содержат информацию по актуальным проблемам, которые будут полезны и интересны будущим специалистам.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что навыки и умения чтения и перевода специальной оригинальной литературы, знание терминологической лексики могут дать положительные результаты в деле формирования действительно специалиста, способного использовать в своей будущей практической деятельности не только отечественный, но и зарубежный опыт в выбранной сфере своей будущей деятельности.

Список литературы

1. Белоусова, А.Р., Таршиц М.Г. Русско-английский, англо-русский ветеринарный словарь. Russian-English, English-Russian Veterinary Dictionary. – М.: Колос, 2000. – 239 с.: ил.
2. Марчук, Ю.Н. Основы терминографии. Методическое пособие. - М.: ЦИИ МГУ, 1992. – 76 с.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ЯЗЫКЕ АНГЛИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Белоусова А.Р.

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина, г.Москва

Терминологические субстантивные словосочетания, основным компонентом которых является имя существительное, широко используются в английской научной литературе биологического профиля. Они представляют большой интерес для исследователей с точки зрения их синтаксических свойств и характера отношений входящих в их состав компонентов.

Терминологические словосочетания типа AN, NN, NsN, NpN характеризуются разными способами синтаксической связи между определяемыми и определяющими компонентами. В данной статье рассматривается природа терминологических комплексов, построенных по моделям NN (субстантивно-субстантивные контактные) и NpN (предложно-субстантивные), так как в языке научной литературы, также как и в общелитературном языке, наблюдается тенденция роста словосочетаний типа NN постепенно вытесняющих предложенные конструкции NpN. Например: *blood cells, liver sections, heart displacement* вместо *cells of the blood, sections of the liver, displacement of the heart*.

К факторам, обуславливающим неуклонное расширение области функционирования данных структурных образований в произведениях научного стиля, исследователи относят требование информационной компрессии, необходимость снятия синтаксической громоздкости, высокую потребность в терминологических словосочетаниях, не допускающих вариативности интерпретации и способствующих более полному отражению отличительных признаков понятия и широкое использование определений, способствующих все более детализирующему расчленению объекта. (8)

Предложные терминологические комплексы остаются незаменимыми в тех случаях, когда автору необходимо уточнить и конкретизировать понятие, выраженное главным компонентом, а также и тогда, когда требуется устранить структурную двусмысленность в трехкомпонентных терминологических словосочетаниях. Например: *hind leg paralysis – paralysis of the hind legs; sick dog foods – foods for the sick dog* и т.д.

Структурную неоднозначность, свойственную терминологическим словосочетаниям данного типа, помогает снять и лексикализация, выражающаяся в сложении полнозначных слов, служащих атрибутами центрального ядра. Например: *high-quality proteins, multiple-cyst formation, small-animal dentistry*. Распространенность такого рода словосочетаний в научной литературе объясняется тем, что язык науки стремится к экономии лингвистических средств в процессе номинации понятий и предлог *of*, не несущий никакой семантической нагрузки, удаляется. Наличие дефиса между членами позитивных определений снимает опасность двусмысленного толкования научного понятия. (2)

Непрерывное развитие терминологии, обусловленное расширением системы понятий развивающихся отраслей знания, ведет к увеличению размеров терминологических словосочетаний. В ряде случаев простое словосочетание не покрывает полностью понятийного поля, или же возникает необходимость дальнейшего уточнения понятий. (3) Например: *kinetics of the binding of antibodies to tubes coated with antigen; retardation of endochondral bone growth; central nervous system stimulants, multiple eccentric ossification centers* и т.д.

Формирование понятий в данных словосочетаниях идет за счет последовательного «нанизывания» блоков информации на опорное понятие, выраженное в ядре терминологического словосочетания. (5)

Лексико-грамматическая система английского языка допускает создание и функционирование сложных многокомпонентных терминологических сочетаний, число компонентов в которых теоретически может быть любым. Их широкое употребление в научной литературе объясняется также и тем, что они являются удобными для передачи максимального количества информации с помощью минимального использования средств связи между словами.

Например: *the secondary infestation of the disinfected animal house surfaces with coliform microbes during the exposition time*.

Многокомпонентные терминологические словосочетания формируются в рамках определенного текста и, несмотря на значительную протяженность, отличаются внутренней спаянностью компонентов, так как в качестве единиц номинации выступают не слова, а словосочетания и на семантически опорное слово нанизываются не любые слова-модификаторы, а готовые формы, устойчивые словосочетания, широко используемые в данной области науки. (6)

Такого рода терминологические комплексы при свертывании могут быть сведены к моделям простых двусловных сочетаний NN, NpN, AN независимо от количества компонентов, входящих в их состав. Например: repeated negative blood cultures – negative blood cultures – blood cultures (NN); post-mortem distention of the affected stomach - distention of the affected stomach – distention of the stomach (NpN); abnormal hepatic epithelial cells - hepatic epithelial cells - epithelial cells (AN).

Редуцирование терминологических словосочетаний в данных примерах, то есть последовательное исключение из них по одному компоненту, имеющему непрочные структурно-семантические отношения с другими модификаторами, сведение их к исходным двусловным сочетаниям подтверждает мнение исследователей, что «сложные словосочетания по существу всегда парны: в основе их всегда лежит модель простого, двусловного словосочетания». (1)

Анализ показал, что наиболее емкими и способными к развертыванию являются терминологические словосочетания типа NpN. Это вызывается следующими причинами: возможностью использования последовательного ряда компонентов, распространяющих опорное слово; возможностью распространения модификаторов за счет разных видов адьюнктов без каких-либо ограничений, тогда как в словосочетаниях типа NN детерминативы употребляются перед всем словосочетанием, а не перед каждым модификатором; возможностью дистантного расположения компонентов благодаря большей самостоятельности и отделимости зависимого компонента. (1)

Но распространение и уточнение исходного понятия, выраженного простым терминологическим словосочетанием, не может быть бесконечным в силу целого ряда лингвистических и экстралингвистических факторов.

Препятствием к наращиванию объема терминологических словосочетания служит то, что оно связано с определенными ограничениями длины предложения как единицы коммуникации. Являясь частью предложения, терминологическое словосочетание не может не подчиняться общим задачам коммуникации: передаче и приему информации и потому не может удлиняться бесконечно. (7)

Поскольку к научной речи ученые-терминологи предъявляют такие требования, как лаконичность, ясность, логическую последовательность изложения, она не может позволить себе чрезмерного распространения терминологических словосочетаний. (4)

Таким образом, само существование многокомпонентных терминологических словосочетаний является объективной реальностью в языке научной литературы, вызванной необходимостью выражать отличительные признаки понятия и его многогранные связи с другими понятиями в соответствующей терминологической системе.

Список литературы

1. Белоусова А.Р. Субстантивные терминологические словосочетания в языке английской научной литературы. Автореф. дис. канд. фил. наук: МПГИ. – М., 1989. – 15 с.
2. Вейхман Г.А. Некоторые новые и менее известные явления английской грамматики (синтаксис) // Иностр. яз. в шк. – 1983. - №3. – С.3-12.
3. Кулибина Е.В. К вопросу о терминологии и терминологических словарях / Вопросы частной лингвистики // Труды Свердл. Гос. Мед. ин-та. – Свердловск, 1960. – Вып. 29. – С. 42-49.
4. Лейчик В.М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина // Вопр. языкознания. – 1981. - №2. – С. 63-73.
5. Пекарская Л.А. Речевое функционирование составных терминов // Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Горький, 1979. – 21 с.
6. Резникова С.В. О некоторых видах именных групп в современном английском языке // Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 1972. – 22 с.
7. Санникова Н.Ф. Глубина именной группы // Автореф. дисс... канд. филол. наук – М., 1972. – 26 с.
8. Юрьева Е.В. Стилеразличительная роль английских субстантивно-субстантивных словосочетаний // Вестник Костромского государственного университета им. Некрасова. 2008. – Т.14. - №4. – С. 234-239

СЕКЦИЯ №20.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)

**СЕКЦИЯ №21.
КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)**

**СЕКЦИЯ №22.
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)**

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА: РУССКИЕ ЛЕКСЕМЫ ВОЛЯ И УДАЛЬ

Каирсапова Э.М., Семёнова Н.В.

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», г.Москва

Иностранцы, приступая к изучению русского языка, прежде всего знакомятся с основными культурными реалиями России. Знакомство это происходит обычно опытным путем и нередко сопровождается казусными ситуациями, неизбежным следствием которых становится «слегка неадекватное» представление о русском культурном пространстве. Например, Россия и сейчас у многих за рубежом ассоциируется с *водкой* и *Кремлем*, *медведями* и *шапкой-ушанкой*, *мафией*, *холодом* и *снегом*.

Как показывает практика, наибольшую трудность в освоении русской действительности и русской культуры составляет та группа реалий, которую можно условно обозначить как «черты русского национального характера». Культурные стереотипы в этой области традиционно связаны с *щедростью*, *смирением*, *открытостью* и *отзывчивостью*, *гостеприимством*, *дружелюбием* и другими, довольно известными и устоявшимися, концептуальными определениями. Однако они не всегда оказываются столь же приятными и удобными для нас. Так, среди самых распространенных плохих качеств русского человека респонденты Т. Канделаки, опросившей в социальных сетях иностранцев о том, какой они представляют себе Россию, навали: *настороженность в присутствии иностранцев*; *комплекс превосходства*; *суровость*; *непунктуальность* («*Все делают в последнюю минуту, и надеются на лучшее*»); *жестокость*; *алкоголизм*; *наглость*; *лень*; *жадность*; *коррупционность*; *агрессию*; *высокомерие* и т.д. Кстати, относительно опрашиваемой аудитории известная телеведущая в своем блоге написала: «Это знакомые моих знакомых, знакомые их знакомых, то есть люди, которые в той или иной степени общаются с россиянами. Но даже это не мешает им думать о нашей стране как о снежном королевстве, полном медведей и бандитов» (Канделаки 2012).

За этими, далеко не лестными, культурными стереотипами сам русский человек, однако, сумеет разглядеть отзвуки русской *вольницы* и *удали*.

В научной литературе уже неоднократно отмечалось, что *воля* может рассматриваться в качестве одного из важнейших фрагментов русской языковой картины мира, самым тесным образом связанным с *широтой русского характера*. Д.С. Лихачев как-то заметил: «Широкое пространство всегда владело сердцем русским. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается *воля* от *свободы*? Тем, что *воля* вольная – это свобода, соединенная с простором, ничем не огражденным пространством» (Лихачев 1998: 476). *Воля* для русских – это не качество и не свойство характера, это особое душевное состояние, особое чувство, завладевающее человеком как колоссальный по силе порыв, ведущий к иррациональным поступкам и отрицанию всяких пределов и границ. В сознании русских людей слово *воля* всегда вызывала ассоциацию с *самостоятельностью*, *отсутствием подчинения* и *каких-либо границ или правил (условий)*, *активными действиями исключительно в соответствии с собственными желаниями*. Именно поэтому *воля* – это стихия, *удаль*, *размах*, *мощь* и *беззаконие*, которые лежат в основе сценария русского бунта (Катаева 2004: 7).

Если мы обратимся к тематическому идеографическому словарю русского языка, то мы обнаружим, что *воля* представлена следующими составляющими: *несгибаемая, сильная, воспитывать волю, закалять волю, ставить цель, достичь цели; стремление – настойчивое, стремление добиться чего-либо, стремиться упорно; желание сильное, горячее, осуществить желание, желать; намеренно сделать что-либо, хотеть очень; вера глубокая, верить твердо, отстаивать убеждения, убедить; достичь результатов, преодолеть, одолеть, победа, победить, добиться победы; рассеять сомнения, колебаться, неуверенно, усилие, приложить усилия*. Как видим, отдельные смысловые компоненты, сами по себе не несущие негативной коннотации, в совокупности могут ее приобретать и, тем самым, конституировать некую силу, направленную на разрушение пределов как внешних, так и внутренних.

Русской *воле* в английской лингвокультуре мы можем найти лишь приблизительные соответствия в семантике лексем Will, Volition, Liberty, Freedom. Так, у русского слова *воля* выявляется общий с английскими Will и Volition компонент содержания – «состояние желания, локализованное во внутренней сфере человека и направленное (ориентированное) во внешнюю сферу». Общий компонент содержания с английским словом Freedom будет «личная независимость» (для совершения действий в соответствии с собственными желаниями). В целом же семантика русского и английских слов совпадает лишь фрагментарно, отражая универсальные представления о свободе. Такая же ситуация наблюдается и в случае с английским Liberty, главное отличие которого состоит в смысловом компоненте «положение, характеризующееся наличием условий для совершения действий одновременно в соответствии со своими желаниями и желаниями других» (см. подробнее в: Красильникова 2010).

Анализ словарных статей словарей Longman Dictionary of Contemporary English, Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language, Collins COBUILD English Language Dictionary, Macmillan Dictionary of English for Advanced Learners показывает, что семантика лексемы *will* можно определить следующим образом: *the ability to control your thoughts and actions in order to achieve what you want to do; a feeling of strong determination to do smth; a deliberate or fixed intention or choice; strength of mind and character; mental powers manifested as wishing, choosing, desiring, or intending u m.d.* Семантика лексемы *volition* уже, она определяется как: Will is being sometimes put for the faculty of willing; sometimes for the act of that faculty. But volition always signifies the act of willing, and nothing else (Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language).

Чаще всего культуроспецифичную «русскую *волю*», однако, переводят английским словом *freedom*. Но если для русского человека свобода – это воля, практически ничем не ограниченная, то для американца или англичанина *freedom* – это, скорее, личные права и личное пространство индивида.

«В отличие от *воли*, *свобода* предполагает как раз порядок, но порядок, не столь жестко регламентированный, – отмечает А.Д. Шмелев. – ...При сопоставлении *свободы* и *воли* мы делаем акцент на том, что *свобода* связана с нормой, законностью, правопорядком («Что есть свобода гражданская? Совершенная подчиненность одному закону, или совершенная возможность делать все, чего не запрещает закон», – писал В.А. Жуковский). *Свобода* означает мое право делать то, что мне представляется желательным, но это мое право ограничивается правами других людей; а *воля* вообще никак не связана с понятием права».

В русском языке есть много слов, которые русский человек ассоциирует только с понятием *воля*: *разгул*, *загул*, *отгул*, *разгуляться*, *загулять* и т.п. Существуют и особые выражения со словом *воля*: *Божья воля*, *царская воля*, *казацкая воля*. Здесь *волю* совершенно невозможно заменить на *свободу* – потеряется весь смысл. Что такое *Божья* и *царская воля*? Ответ дает русская народная поговорка: «Ваша воля, а и нам есть доля», «Во всем доля, да воли ни в чем». *Доля* – это судьба русского человека, это то, что ему *выпало на роду*. В сознании русского человека высшая воля всегда связано с отсутствием собственной воли и предопределенностью. Отсюда возникает и антоним *воли* – *неволя*: «Неволя холопу, воля господину»; «Ваше дело прохладно, и глядят, так не ладно; наше дело подневольно, и бьют, так не больно».

Воля – это, конечно, всегда праздник, «загул», но это не благо. И в то же время, как это ни парадоксально, воля это и определенный покой (см. подробнее в: Петровых 2002). Внутренний покой отдельного человека, у которого больше «не болит душа». *Воля* дает возможность человеку вырваться из тесноты на простор, перешагнуть все запреты, даже если это и ущемляет чьи-то права. Именно потому *русская воля* так тесно оказывается связанной еще с одним культуроспецифичным словом – *удалью*. Это слово не имеет эквивалентов в других языках. Переводчики, онко чувствующие русский язык, передают его семантическую ауру лишь приблизительно с помощью реестра межъязыковых соответствий лексемы *воля* или описательно, ср.: And that young man mocked at the mall, and wanted us to repeat the *feats* then and there, and to be tusten to one that we didn't (Jerome K. Jerome. Three Menina Boat (To Say Nothing Of The Dog) (1889)); Mr. Dowler related a variety of anecdotes, all illustrative of his own personal *prowess* and desperation, and appealed to Mrs. Dowler in corroboration thereof (Charles Dickens. The Posthumous Papers of the Pickwick Club (1836-1837)).

В современных толковых словарях русского языка *удаль* определяется через широкий ряд синонимов: «смелость; решимость; отвага; отчаянная храбрость; безудержная лихая смелость, соединенная с бойкостью, ухарством; задор, безудержная отвага». В этимологическом происхождение объясняется так: «удал (у-да-л) - к дать, удачливый», т. е. счастливый в предприятиях, а отсюда – самоуверенный, отважный, смелый.

А.Д. Шмелев пишет о том, что слово *удаль* включает в себе парадокс. С одной стороны, в удали нет ничего особенно хорошего; это не такое превосходное качество, как мужество, смелость, храбрость, отвага, доблесть. С другой стороны, слово *удаль* в русском языке обладает яркой положительной окраской – *удаль молодецкая*. Существенный смысловой компонент слова *удаль*, по мнению А.Д. Шмелева, соответствует идее

любования и самолюбования. Для удали важна идея бескорыстия, удаль противостоит узкому корыстному расчету. Слово *удаль* родилось у бойкого народа, привыкшего к широким пространствам [Цит. по: Хроленко 2013: 65).

Итак, русская *удаль* – это *вольное* проявление смелости, а значит – безудержное, нерасчетливое, отчаянное и всегда на грани. Уда́лый – полный удали, отличающийся удалью – постоянный эпитет фольклорных произведений: «*Выезжал удалый добрый молодец*», «*Тебя как-то, молодец, да именем зовут, величают удалого по отчеству!*» («Илья Муромец и Соловей-Разбойник»). В современном языке встречаем два слова *удалой*, *удалец* – храбрый, которому в отваге всегда удача. Удаля молодецкая воспета в народных песнях: «*Поют про Волгу-матушку, / Про удаль молодецкую, / Про девичью красу*» (Н.А. Некрасов).

Удалец всегда действует инстинктивно, надеясь на только на себя, на свою удачу и на случай. Часто «на авось», т.е. «как получится». Знаменитые русские выражения «Авось, все обойдется! Авось, да повезет!» во всей полноте отражают менталитет *удалого русского человека*. «Нашу веру зовут "Авось"!», – так сказал Андрей Вознесенский, который дал «сверхъестественное слово “Авось”» в качестве названия русскому кораблю в одноименной поэме. И хотя в поэме речь идет о конкретных событиях, которые происходят с конкретными русскими моряками, игра слов помогает русскому человеку увидеть свою излюбленную жизненную философию в знаменитых строчках: «“Авось” разгуляется, “Авось” вывезет, / Гармонизируется Хавос /... Нас мало, нас адски мало, / И самое страшное, что мы врозь, / Но из всех притонов, из всех кошмаров / Мы возвращаемся на “Авось”».

В этимологическом словаре под редакцией Н.М. Шанского можно прочесть наиболее правдоподобную этимологию слова *авось*: «Старое *авосе* (>*авось* в результате отпадения конечного безударного гласного) возникло, очевидно, с помощью лексико-синтаксического способа словообразования в результате сращения в одно слово союза *a* и указательной частицы *осе* 'вот' (между *a* и *o* появилось затем интервокальное *в*). Такое объяснение высказывал еще Буслаев, а затем Соболевский, Грот, Фасмер» (Шанский 1971). Е.Л. Березович говорит о том, что прав, видимо, Е.С. Отин, утверждавший, что первоначальное значение словосочетания «*a восе*» было пространственным и представляло собой указание на что-то такое, что находится невдалеке. Логике дальнейшего семантического развития можно представить следующим образом: 'вот' → 'вот оно!' → 'вдруг' → 'если' → 'может быть' (Березович 2007).

В заключение, однако, стоит заметить, что как и русская *удаль*, всегда связанная с риском, не всегда приводит к счастливому исходу дела, так и «авось» чревато не только одними победами, но и неожиданными поражениями. Есть и еще один смысл, который выражает русская частица *авось*. На него указывает Анна Вежбицкая: «Так что же все-таки означает «*русское авось*»? По существу это отношение, трактующее жизнь как вещь непредсказуемую: «нет смысла строить какие-то планы и пытаться их осуществлять; невозможно рационально организовать свою жизнь, поскольку жизнь нами не контролируется; самое лучшее, что остается делать, это положиться на удачу» (Вежбицкая 1996: 79).

И все-таки для русского человека понятия *воля* и *удаль* – чрезвычайно важны. Интересно, что по данным ассоциативных исследования, именно эти два чувства русские люди связывают с *простором, степью, ветром, солнцем, родиной*, т.е. с самыми важными для него и жизненно необходимыми понятиями. Интересно также и то, что самая негативная характеристика, которую только может придумать русский человек для описания своего состояния, есть «это мне хуже неволи». В неволе – как физической, так и духовной – русскому человеку жить невозможно. Иначе возникает извечная русская тоска.

Список литературы

1. Березович Е.Л. Еще раз о русском авось // Е.Л. Березович. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
3. Канделаки Т. Загадочная «русская душа»: Интернет-ресурс: <http://echo.msk.ru/blog/kandelaki/881798-echo/> (дата обращения – 30.11.2014).
4. Катаева Н.М. Русский концепт *ВОЛЯ*: от словаря – к тексту: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 23 с.
5. Катаева Н.М. Русский концепт *ВОЛЯ*: От словаря – к тексту: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.
6. Красильникова Е.В. Функционирование концепта «Воля» в русском и английском языковом сознании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010.
7. Лихачев Д.С. Заметки о русском // Избранное Великое наследие: Классические произведения Древней Руси. СПб.: LOGOS, 1998.

8. Макшанцева Н.В. Русское: Соборность; Воля; Удаль; Беспредельность; Тоска; Вера // Межкультурная коммуникация. Учебное пособие: Часть I. Культура и межкультурная коммуникация Раздел II. Национальная концептосфера: Интернет-ресурс: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/m_komm/02.php (дата обращения – 30.11.2014)
9. Петровых Н.М. Концепты *воля* и *свобода* в русском языковом сознании // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Выпуск 5. № 24. 2002. (Интернет-ресурс: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24059/1/iurg-2002-24-16.pdf> (дата обращения – 30.11.2014).
10. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910-1914.
11. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: Учебное пособие для филологов и культурологов. М.: Флинта, 2013.
12. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. Изд. 2-е., испр. и доп. М.: Просвещение, 1971.
13. Шмелев А.Д. «Широта русской души» // Арутюнова Н.Д., Левонтина И.Б. (отв. ред.). Логический анализ языка: Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2005.

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВО ЯЗЫКА

Зубцова М.Л.

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина,
г.Москва

Лингвисты традиционно рассматривали язык как сложную коммуникативную систему, которую следует анализировать на ряде уровней: фонологии, синтаксиса, морфологии, семантики, лексики, прагматики и дискуссии. [4] Их мнения различались в области степени интеграции этих уровней, например, Хромский [3] утверждал, что «грамматика автономна и независима в своих значениях», другое течение, возглавляемое британским лингвистом Ферсом, утверждало, что «нет границ между лексикой и грамматикой: лексика и грамматика взаимозависимы» [8, с. 36]. При рассмотрении различных перспектив изучения иностранного языка обычно рассматривают уровни языка и степень их приоритетности по мнению лингвистов, т.е., с чего начинать изучение языка. Контроль синтаксиса и морфологии обычно рассматривают как центральный при изучении иностранного языка. Другие уровни языка получают весьма разнообразное внимание. На протяжении XX века лингвисты имели разные точки зрения на основной фокус интереса и изучения. Лингвист Ноам Хромский утверждал, что основная задача лингвистики – изучать и моделировать подлежащую языковую компетенцию, а не проявление различных произнесенных образцов речи людей [2]. Под компетенцией Хромский понимал абстрактное и скрытое представление о знании языка внутри нашего разума, с его потенциалом создавать и понимать оригинальные высказывания на данном языке. Однако полагают, что воспроизводимые данные языка являются не точным отражением компетенции, частично из-за сложностей обработки, которые возникают при разговоре или другой форме производства языка, и которые приводят к ошибкам и оговоркам. Что более важно, полагают, что в принципе бесконечность творчества подлежащих систем никогда не сможет адекватно отразиться в данном конечном образце. [2] Строго говоря, многие исследователи языковой компетенции полагают, что она может быть оценена только косвенно, при контролируемых условиях различными видами тестов. [9]. Этот раскол между компетенцией и производством языка не принимался всеми лингвистами. Ферс при описании такого дуализма считал, что это «совершенно ненужное недоразумение» [8, с. 36]. С точки зрения Ферса, единственно важно для лингвистов изучать язык в его использовании, т.к. не существует оппозиции между языком как системой и изучаемыми проявлениями языкового поведения. Точки зрения теоретиков на взаимосвязь между компетенцией и производством языка тесно связаны с их точкой зрения на процесс изучения языка и в частности с их точкой зрения на способы использования языка, а это может внести вклад в процесс изучения языка. В XX веке самое известное противоречие по вопросу изучения иностранного языка возникало между психологом-бихевиористом Б.Ф. Скиннером и лингвистом Н. Хромским. Скиннер утверждал, что язык изучается в основном благодаря механизмам копирования и запоминания поведения, происходящего в окружающей среде. Хромский, с другой стороны утверждал, что человеческая речь слишком сложна, поэтому, чтобы организовывать язык в речь, мы должны иметь внутреннюю предрасположенность, ядро знания об языковых формах. Эти дебаты на тему «природа-воспитание» имели большое значение для теории обучения иностранному языку. Если человек наделен внутренней предрасположенностью, тогда он, вероятно, сможет выучить столько языков, сколько

захочет, но при важном условии, а именно, при наличии достаточного количества времени, благоприятных обстоятельств и мотивации. С другой стороны, окружающие условия для изучающих иностранный язык коренным образом отличаются от условий для носителей языка. Следует ли задаться целью и воспроизвести как можно больше естественных условий приобретения навыков родного языка для студентов, изучающих иностранный язык. Это было весьма популярным направлением в 1970 годах, но оно недооценивало некоторые реальные социальные и психологические препятствия. В последние 30 лет проводилось более точное и критичное изучение факторов «окружающей среды», которые способны влиять на процесс обучения иностранным языкам.

Язык изучающего (или межязык, интерязык) характеризуется своей систематичностью, но системы межязыка предположительно нестабильны, т.к. в процессе изучения они меняются и характеризуются высокой степенью разнообразия [10]. Вполне очевидно, высказывания студентов меняются, периодами они используют правильные и ошибочные варианты довольно длительное время. Концепция систематичности или системности связана с другой ключевой концепцией изучения иностранного языка - оригинальностью и творчеством. Отсюда логически проистекает, что высказывания учащихся оригинальны, т.е. их система правил может генерировать высказывания, соответствующие данному контексту, которые учащийся не слышал ранее. Работа с лингвистическим корпусом привела к признанию того факта, что формулы и рутина играют важную роль в жизни носителей языка.

В книге Ленеберга Е. «Биологические основы языка» даны характеристики, которые типичны для биологически заведенного поведения. Он утверждал, что язык попадает под критерий, который используется для определения такого поведения. Эйтчинсон Д. представляет критерии Ленеберга в виде списка из 6 характеристик:

1. «Поведение возникает еще до необходимости».
2. «Его появление не есть результат сознательного решения».
3. «Его появление не запускается внешними событиями (хотя внешняя среда достаточно богата для того, чтобы он адекватно развивался)».
4. «Непосредственное обучение и интенсивная практика имеют сравнительно небольшой эффект».
5. Существует регулярная последовательность «краеугольных моментов» во время развития поведения, и оно обычно может коррелироваться с возрастом и другими аспектами развития».
6. «Вероятен «критический период» для приобретения навыков поведения». [1, с. 67]

Теория когнитивного подхода к изучению иностранного языка фокусируется на компоненте изучения. Она рассматривает изучение иностранного языка как один из примеров, наряду с другими процессами изучения, и считает, что его можно лучше понять, если сначала понять, как человеческий мозг обрабатывает и изучает новую информацию. В центре внимания при этом находится учащийся как личность. Гипотезы, которые изучает эта теория, находятся в области когнитивной психологии и неврологии. Центральные вопросы когнитивной теории: как учащиеся приобретают лингвистические знания, какие стратегии они применяют, когда их подводят несовершенные знания, почему некоторые учащиеся значительно превосходят других в своих лингвистических знаниях.

Список литературы

1. Aitchinson J. 1989 p.67, The articulate mammal. London: Unwin Hyman.
2. Chomsky N. 1965: Aspects of the theory of syntax. Cambridge, MA: MIT Press p.18
3. Chomsky N. 1957: Syntactic Structures. The Hague: Mouton p.17
4. Fromkin V., Rodman R., 1997. An introduction to language. Stamford, CT: Thomson Learning. Graddol D., Cheshire J. and Swann J., 1994: Describing Language (2nd edn). Buckingham: Open University Press.
5. Gardner R.C., MacIntyre P.D. 1993. A student's contribution to second language learning. Part II: affective variables. Language Teaching 25, p.2
6. Gardner R.C., MacIntyre P.D. 1992. A student's contribution to second language learning. Part I: cognitive variables. Language Teaching 25, p.217
7. Howart A.P.K. 1988 pp.14-15. From structural to communicative. Annual Review of Applied Linguistics 8, 14-29.
8. Stubbs M. 1996: Text and Corpus analysis. Oxford: Blackwell, p.36.
9. Sorace A. 1996: The use of acceptability judgments in second language acquisition research. In Ritchie, W. & Bhatia, T. (eds), Handbook of 2nd language acquisition. San Diego, CA: Academic Press, pp.375-409
10. Towell R. and Hawkins R., 1994 p.5 Approaches to 2nd language acquisition. Clevedon: Multilingual

ЯЗЫКОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КОММУНИКАТИВНЫХ ТАКТИК И СТРАТЕГИЙ В КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ ОБЩЕНИЯ

Гулакова И.И.

Орловский государственный университет, г.Орел

Речевую коммуникацию можно представить как некий стратегический процесс, основанием для которого является выбор определенных языковых ресурсов. Стратегии речевого поведения определяются как план речевых действий, согласно которому участники общения реализовывают свои коммуникативные и практические цели и задачи. Выбор стратегии речевого поведения осуществляется под влиянием психологической установки, которая включает когнитивные, мотивационные и моральные аспекты. В случае если определяется установка *против* партнера по коммуникации возможно развитие конфликтной ситуации.

Конфликтная ситуация – это результат определенного типа общения, особого речевого поведения коммуникантов. Под конфликтной ситуацией понимается ситуация, в которой происходит коммуникативный конфликт (сознательный, либо бессознательный) – столкновение двух сторон (участников конфликта) по поводу несоответствия целей, интересов, взглядов, в результате которого одна из сторон действует в ущерб другой (вербально или невербально), а вторая сторона предпринимает ответные действия, если указанные действия направлены против ее интересов/целей.

Конфликтная ситуация общения обладает определенными прагматическими характеристиками – структурными и динамическими. Динамика развития конфликтной ситуации представляется следующим образом: предконфликт → конфликт → постконфликт, где предконфликт можно определить как процесс формирования конфликтной ситуации – накопление и обострение противоречий в межличностных отношениях в силу появившегося расхождения интересов и целей коммуникантов. Конфликт (коммуникативный конфликт) – непосредственное речевое столкновение коммуникантов по поводу приемлемости/неприемлемости той или иной стратегической линии речевого поведения в развитии диалога. Постконфликт – это стадия разрешения противоречий, которая может иметь два пути развития: конструктивный (благоприятный результат взаимодействия) и деструктивный (невозможность благоприятного разрешения противоречий).

При рассмотрении высказываний участников в конфликтной ситуации общения наблюдается определенная закономерность употребления лексических и синтаксических языковых средств, что позволяет определить их как языковые показатели определенных стратегий и тактик, используемых коммуникантами во взаимодействии.

При анализе основных лексико-семантических языковых индикаторов коммуникативных тактик и стратегий можно выделить следующие как наиболее частотные:

- использование перформативных глаголов, указывающих на ту или иную стратегию или тактику (глаголы просьбы, предупреждения, требования, приказа, осуждения, возражения и др.) – в 80% случаев рассмотренных примеров;

- преобладание лексики с эмоционально-экспрессивной стилистической окраской (*брюзга, напакостить, опорочить, шляпа, тюфяк, дуб, обалдеть и др.*) – в 95% случаев тактики оскорбления; в 82% - тактики возмущения и в 68% - тактики упрека). Сюда же относится грубо-просторечная лексика (*дурак, балда, жратва, к чертовой матери, свинья и др.*), что является лексическим маркером тактик оскорбления, упрека, возмущения. Инвективы употребляются в качестве обращений или в качестве характеристики какого-либо коммуниканта в высших по накалу страстей стадиях развития конфликтных ситуаций.

- употребление особой группы фразеологических оборотов (половицы, поговорки, крылатые слова) для большей выразительности и экспрессивности речи коммуникантов, встречаются в различных стратегиях и тактиках конфликтной ситуации, например, в тактике убеждения – в 30 % примеров;

- использование различных стилистических тропов: (например, метафора как показатель тактики упрека – в 62% рассмотренных примеров; сравнение как индикатор тактики упрека или оскорбления - 48% случаев; эпитеты с отрицательной коннотацией - в 70% примеров);

- употребление особых языковых маркеров (частиц как показателей тактик упрека, возмущения, убеждения, в том числе отрицательных частиц (95% примеров); междометий как маркеров тактик возмущения, отказа и привлечения внимания.

Рассмотрев синтаксические языковые средства, употребляемые коммуникантами в конфликтной ситуации общения, можно отметить следующие синтактико-семантические индикаторы стратегий и тактик:

различные виды вопросительных предложений, характерные для тактик упрека, просьбы, намека, возмущения, убеждения (например, в тактиках убеждения и просьбы употребляются верификативные вопросы –

40% случаев, в тактике возмущения – переспросы (30% случаев), в тактике упрека – аппелятивные вопросы (25 % случаев);

различные виды побудительных предложений, типичные для стратегии манипуляции и тактик просьбы, убеждения и упрека;

простые предложения, используемые чаще, чем сложные на определенных стадиях развития конфликта в силу их экспрессивности и эмоциональности (75% случаев), служащие показателем тактики оскорбления и тактики прерывания;

некоторые виды сложных предложений, являющиеся индикаторами определенных коммуникативных тактик (например, тактика угрозы маркируется сложноподчиненными предложениями с условными придаточными (34% случаев), а для тактики убеждения характерны сложноподчиненные предложения с придаточными причины (31% случаев));

обратный порядок слов – экспрессивен и характерен для многих коммуникативных тактик на разных стадиях развития конфликтной ситуации, но в большинстве рассмотренных примеров (52%) порядок слов нарушается в момент накала страстей (в конфронтационной стратегии, в тактиках упрека, оскорбления, возмущения) на стадии конфликта;

вводные слова и предложения, с помощью которых говорящий высказывает свое отношение к тому, что он сообщает. Вводные конструкции могут указывать на истинность/сомнительность высказывания, либо давать эмоциональную оценку.

обращения – языковой маркер тактик оскорбления и привлечения внимания (68% и 52% соответственно случаев употребления обращений в этих тактиках).

Таким образом, на основе проведенного исследования, возможно выделить лексические и семантические показатели определенных тактик конфликтной ситуации общения. Например, основные языковые показатели тактики упрека определяются как следующие: употребление перформативов осуждения; лексики с эмоционально-экспрессивной окраской (в том числе использование грубо-просторечных слов); употребление метафоры и сравнения, различных частиц, а также аппелятивные вопросы, побудительные предложения приказания и призыва и обратный порядок слов.

В современных условиях развития общества, с ростом напряженности в разных сферах социального взаимодействия, конфликтные коммуникативные ситуации приобретают глобальный размах, а исследование природы конфликта, а также поиск оптимальных средств его урегулирования и предотвращения представляется особо важным.

СЕКЦИЯ №23.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ЗЕЛЕНый» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Лопсан А.П.

ФГБОУ ВПО Тувинский государственный университет, г.Кызыл

Данная статья посвящена лексико-семантическому анализу концепта «зеленый». В последнее время очень много работ по лексикологии современного английского языка, но мало работ посвященных лексико-семантическому анализу концепта «зеленый». И поэтому мы попытались сделать лексико-семантический анализ концепта «зелёный».

Зеленый цвет – это цвет травы и листьев. Значение зеленого цвета у многих народов мира – это юность, надежда, веселье, но иногда и недостаточное совершенство или незрелость. Зеленый цвет максимально материален и оказывает успокаивающе, а иногда даже и угнетающее действие, поэтому говорят «тоска зеленая» или «зеленый от злости». Значение зеленого цвета у большинства народов – это символ природы, самой жизни, естества, весны. Люди, предпочитающие его, боятся чужого влияния, хотят самоутвердиться, так как для них это очень важно. Те, кто не любят его, опасаются житейских проблем, любых превратностей судьбы, вообще, боятся любых трудностей. Зеленый цвет отражает степень волевого напряжения, то есть люди, стремящиеся к

уверенности любят его, а эмоциональные и эксцентричные его отрицают. Однако его также отвергают люди истощенные психически и физически. Зеленый – один из самых распространенных в природе цветов. Подавляющее большинство растений имеют именно зеленую окраску, потому защитники природы, идеализируя ее благополучное состояние как ценность, называют нашу планету зеленой [Электронный ресурс]http: blog.votinoff.com.

В лингвистическом словаре терминов Т.В. Жеребило дает следующее определение к лексико-семантическому анализу. Лексико-семантический анализ – 1) эпидигматический анализ; 2) парадигматический; 3) синтагматический анализ [Жеребило: 2010 210].

В оксфордском словаре английского языка мы нашли десять значений концепта «зелёный». Первое значение в этом словаре дается как цвет травы и листьев.

I. green – adjective 1) of a colour of grass or leaves: *dark/ light/ pale green. olive green. I love the spring when everuthing is green. These bananas are not ripe yet – they are still green.* 2) (informal) (used about a person) with little experience: *I am not so green as to believe that!* 3) pale in the face (because you have had a shock or feel ill): *At the sight of all the blood he turned green and fainted.* 4) envious (wanting to have what sb else has got): *He was green with envy when he found out how much German teachers earn.* 5) connected with protecting the environment or the natural world: *the Green party, green products (= that do not damage the environment)*

II. Green – noun 1) the colour of grass and leaves: *They were dressed in green. The room was decorated in greens and blues.* 2) greens [plural] green vegetables, eg cabbage, that are usually eaten cooked 3) an area of grass in the centre of a village: *the village green* 4) a flat area of very short grass used in games such as golf: *the green at the 18th hole* 5) Green a member of a green political party (Oxford: 1993 282).

В словаре Webster's нашли восемнадцать значений и более шестидесяти фразеологических единиц связанных с концептом «зелёный». В этом словаре первое значение зелёный цвет.

I. green – adj. 1) of the colour green 2a) covered by green growth or foliage <-fields> b of winter: mild, clement c: consisting of green plants and usu. edible herbage <a - salad> 3) pleasantly alluring 4) youthful, vigorous 5) not ripened or matured: immature <- apples><tender-grasses> 6) fresh, new 7a) marked by a pale, sickly, or nauseated appearance b: envious 1 – used esp. in the phrase green with envy 8a) nor fully processed or treated: as (1): not aged <- liquor> (2): not dressed or tanned <- hides> (3): freshly sawed: unseasoned b: not in condition (3) for a particular use 9a) deficient in training, knowledge, or experience b: deficient in sophistication and savoir faire: naïve c: not fully qualified for or experienced in a particular function <- horse> 10a) often cap: relating to or being an environmentalism c: tending to preserve environmental quality (as by being recyclable, biodegradable, or nonpolluting) greenish adj. – green-ish-ness n – greenlyadv – green ness n – green around the gills: pale or sickly in appearance.

II. green: to become green – vt 1) to make green 2) rejuvenate, revitalize.

III. green – adjective 1) a color whose hue is somewhat less yellow than that of growing fresh grass or of the emerald or is that of the part of the spectrum lying between blue and yellow 2) something of a green color 3) green vegetation: as leafy parts of plants for use as decoration; leafy herbs (as spinach, dandelions, Swiss chard) that are cooked as a vegetable: potherbs: green vegetables 4) a grassy plain or plot: as a common or park in the center of a town or village: putting green 5) money; greenbacks 6) environmentalist; a member of an environmentalist political party – greeny (Webster's: 2002 510).

В толковом словаре русского языка мы нашли 5 значений концепта «зелёный» и два фразеологических единиц связанных с концептом «зелёный». В данном словаре первое значение цвета травы, листы. И это показывает, что в оксфордском словаре английского языка и в толковом словаре русского языка первые значения одинаковые. Концепт «зелёный» в словаре Webster's имеет разное значение чем, в вышеназванных словарях.

Зелёный, -ая, -ое; зелен, зелена, зелено, зелены и зелены. 1. Цвета травы, листы. 3.свет (в светофоре: разрешающий движение). 3.огонёк (фонарик, горящий за стеклом незанятого такси). 3.чай (сорт чая). 2. О цвете лица: бледный, землистого оттенка (разг.). 3. Полн.ф. Относящийся к растительности; состоящий, сделанный из зелени (во 2 и 3 знач.). Зелёные насаждения. Зелёный корм. 4. О плодах незрелый. Зелёные помидоры. 5. Перен. Неопытный по молодости (разг.). Зелёный юнец. Зелёная молодежь. Движение «зелёных» - демократическое движение, один из основных принципов которого – борьба за гармонию человека с природой, за сохранение окружающей среды. Зелёная улица (разг.) – такое состояние трассы, когда все светофоры или семафоры открыты; также перен.: о беспрепятственном прохождении чего-н. Новому – зелёную улицу! Зелёный друг – о деревьях, растениях. Охрана зелёного друга. Молодо-зелено (разг.) – о незрелой молодёжи. Тоска зелёная (разг.) – ужасная тоска. До зелёного змия (напиться) (разг.) – до галлюцинаций [Ожегов, Шведова: 1998: 228].

Сходства и различия концепта «зелёный» в английском и русском языках показаны в Табл.1.

Таблица 1

Слово и его граф	Лексико-семантические варианты (в английском языке)	Типы лексических значений (в английском языке)	Лексико-семантические варианты (в русском языке)	Типы лексических значений (в русском языке)
Зелёный	of a colour of grass or leaves	Прямое, первичное, немотивированное, свободное	Цвета травы, листвы	Прямое, первичное, немотивированное, свободное
1	(used about a person) with little experience	Переносное, вторичное, мотивированное, свободное	О цвете лица: бледный, землистого оттенка	Переносное, вторичное, мотивированное, свободное
2	pale in the face (because you have had a shock or feel ill)	Переносное, вторичное, мотивированное, свободное	Относящийся к растительности; состоящий, сделанный из зелени	Прямое, первичное, немотивированное, свободное
3	envious (wanting to have what sb else has got)	Переносное, вторичное, мотивированное, свободное	О плодах незрелый	Переносное, вторичное, мотивированное, свободное
4	connected with protecting the environment or the natural world	Переносное, вторичное, мотивированное, свободное	Неопытный по молодости	Переносное, вторичное, мотивированное, свободное
5	an area of grass in the centre of a village	Переносное, вторичное, мотивированное, свободное	-	-
6	a flat area of very short grass used in games such as golf	Переносное, вторичное, мотивированное, свободное	-	-
7	Green a member of a green political party	Переносное, вторичное, мотивированное, свободное	-	-
8	covered by green growth or foliage	Прямое, первичное, немотивированное, свободное	-	-
9	of winter: mild, clement	Переносное, вторичное, мотивированное, свободное	-	-
10	consisting of green plants and usu. edible herbage	Переносное, вторичное, мотивированное, свободное	-	-
11	pleasantly alluring	Переносное, вторичное, мотивированное, свободное	-	-
12	youthful, vigorous	Переносное, вторичное,	-	-

		мотивированное, свободное		
12	not ripened or matured	Переносное, вторичное, мотивированное, свободное	-	-
13	fresh, new	Переносное, вторичное, мотивированное, свободное	-	-
14	marked by a pale, sickly, or nauseated appearance	Переносное, вторичное, мотивированное, свободное	-	-

Исходя из этого, можно сделать вывод, что концепт зелёный был частотным в английском и русском языках. В данных словарях дается разные значения концепта «зелёный». И в большинстве случаев они используются в переносном значении, как в английском, так и в русском языках.

Таким образом, зеленый – прежде всего, цвет природы, цвет самой жизни на земле, цвет весны как символа обновления и расцвета, цвет тепла и роста. Неприродный символический ряд зеленого довольно разнообразен.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка – М.: Флинта: Наука, 2012. – 376 с.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов – Изд.5-е, испр-е и дополн. – Назрань: Изд.во «Пилигрим», 2010.
3. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1998. – 944 стр.
4. Oxford word power dictionary – Oxford University Press 1993
5. Merriam-Webster’s Collegiate Dictionary, 2002
6. Электронный ресурс ([http: blog.votinoff.com](http://blog.votinoff.com))

СЕКЦИЯ №24.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21)

СЕКЦИЯ №25.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД

Январь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны**», г.Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2015г.

Февраль 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом**», г.Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2015г.

Март 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы современных гуманитарных наук**», г.Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2015г.

Апрель 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках**», г.Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2015г.

Май 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук**», г.Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2015г.

Июнь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Современные проблемы гуманитарных наук в мире**», г.Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2015г.

Июль 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**О вопросах и проблемах современных гуманитарных наук**», г.Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2015г.

Август 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Новые тенденции развития гуманитарных наук**», г.Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2015г.

Сентябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Гуманитарные науки в современном мире**», г.Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2015г.

Октябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Основные проблемы гуманитарных наук**», г.Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2015г.

Ноябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития», г.Красноярск

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2015г.

Декабрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «Перспективы развития современных гуманитарных наук», г.Воронеж

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2016г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Гуманитарные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(8 декабря 2014г.)**

**г. Воронеж
2014г.**

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 10.12.2014.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 20,0.
Тираж 150 экз. Заказ № 1596.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58